

**ДНЕВНИК
АЛТАЙСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ
№21. Июль 2005 г.**

**Современная Россия и мир:
альтернативы развития
(национальная, региональная
идентичность и международные
отношения)**

Материалы международной
научно-практической конференции

*Издательство Алтайского университета
Барнаул 2005*

ББК 66.4Я43+66.01Я43
Н 354

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук, профессор **Чернышов Ю.Г.**
(отв. редактор), кандидат исторических наук, доцент
Бетмакаев А.М., кандидат исторических наук, профессор
Глушков А.Е., Исакова С.Н. (отв. секретарь), доктор философских
наук, профессор **Кряклина Т.Ф.**, доктор исторических наук,
профессор **Шерстова Л.И.**

Дневник Алтайской школы политических исследований. № 21.
Современная Россия и мир: альтернативы развития (националь-
ная, региональная идентичность и международные отношения):
Материалы международной научно-практической конференции / Под
ред. Ю.Г. Чернышова. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2005. 383 с.
ISBN

Двадцать первый выпуск «Дневника АШПИ» посвящен материалам международной научно-практической конференции по проблемам национальной и региональной идентичности, прошедшей 1–2 июля 2005 г. в Алтайском государственном университете. Помимо докладов и стенограммы их обсуждения опубликованы тезисы, представленные на Интернет-конференцию учеными из Казахстана, Украины, ЮАР и 19 городов России. Кроме этого, в приложении даны стенограммы двух круглых столов, посвященных проблемам борьбы с терроризмом и реформе избирательной системы в России.

Издание предназначено не только для специалистов (международников, историков, политологов, психологов, юристов, социологов), но и для всех, кто интересуется внутренней и внешней политикой России.

ISBN

© Алтайская школа политических исследований,
2005

© Издательство Алтайского университета, 2005

Три дискуссии о путях развития России (предисловие ответственного редактора)

Дневники Алтайской школы политических исследований издаются регулярно с 1996 г. В них отражены общественные и научные дискуссии по самым актуальным проблемам политической жизни. Как правило, в обсуждениях участвуют не только ученые, но и политики, общественные деятели, предприниматели, журналисты. Общая тема последних ежегодных конференций – «Современная Россия и мир: альтернативы развития», но каждый год участники выбирают и специальные темы для обсуждения.

В этом году традиционная международная конференция АШПИ проходила 1—2 июля в Алтайском государственном университете. Учредителями, кроме АШПИ, выступили администрация Алтайского края, Алтайский государственный университет (кафедра всеобщей истории и международных отношений), Алтайское отделение Российской ассоциации политической науки, Конгресс интеллигенции Алтайского края. Специальная тема обсуждения – **«Национальная, региональная идентичность и международные отношения»**.

Отдельные заседания были посвящены проблемам идентичности в истории международных отношений в Европе, влиянию этнических стереотипов на межнациональные отношения в странах СНГ, идентичности населения Сибири и Алтая. Участники конференции опирались на итоги «предварительной» дискуссии, проведенной АШПИ весной этого года на портале AUDITORIUM.RU (в Интернете было опубликовано 48 докладов ученых из Казахстана, Украины, ЮАР и 19 городов России – см.: http://www.auditorium.ru/v/index.php?vconf_id=92).

Особенностью этой конференции стало очень активное обсуждение многих проблем, имеющих актуальное звучание для современной России и, в частности, для Алтая. Результат двухдневной работы – 20 докладов, более 50 выступлений в дискуссиях. Содержание обсуждений было настолько насыщенным, что его вряд ли можно передать в коротком обзоре. Можно привести лишь некоторые примеры.

Едина ли Европа? Не «споткнулась» ли она в своем стремлении к интеграции о проект собственной Конституции? Что лежит в основе европейской идентичности? Какие уроки из европейского опыта могли бы извлечь Россия и другие страны СНГ? Эти и другие вопросы были рассмотрены в докладах профессора А.Е. Глушкова, доцентов О.А. Аршинцевой, А.М. Бетмакаева, Л.В. Мониной, выпускника юрфака АлтГУ В.А. Лукашевича.

Огромный интерес вызвали доклады гостей из Казахстана (Л.Н. Игнатъевой, Н.Л. Краснобаевой, Е.В. Тарасовой). Опираясь на материалы проведенных ими социологических исследований, коллеги из

соседней республики осветили перспективы «учебной» миграции, а также вопросы межнациональных отношений и эволюции политического режима Н.А. Назарбаева. Участники конференции отметили, что Россия и Казахстан имеют очень много общего – и положительного, и негативного. Именно Казахстан является тем «буфером», который принимает на себя вызовы, исходящие с юга (наркотрафик, исламский фундаментализм, беженцы, нелегальные мигранты и т.д.). В каком-то смысле Казахстан для нас играет роль «очищающего фильтра». Поэтому ситуация в этой республике способна самым непосредственным образом повлиять и на ситуацию в России.

При обсуждении доклада профессора Ю.Г. Чернышова об имидже Алтайского края многие выступавшие согласились с тем, что вряд ли допустимо легкомысленно относиться к вопросу о различных вариантах «укрупнения» или «слияния» регионов. Уже сейчас «произвольные вариации» некоторых руководителей соседних регионов на эту тему наносят серьезный ущерб многим субъектам Российской Федерации, в том числе и Алтайскому краю. Российским регионам нужна определенность и стабильность, необходима выработка долгосрочной стратегии их развития. И при выработке такой стратегии необходимо обязательно учитывать особенности региональной идентичности.

Острая дискуссия прошла после докладов доцента БГПУ И.А. Еремина и старшего преподавателя АлтГУ В.Н. Козулина, представивших во многом альтернативные взгляды на роль Русской православной церкви в формировании национальной идентичности, на отношение россиян к западной культуре. Тема воспитания толерантности, уважения и терпимости к согражданам – «иноверцам» звучала в докладах преподавателя из Томска П.С. Шараева, а также М.М. Волобуевой, А.Х. Дитца, Г.В. Кагировой, Л.Г. Коваленко и др. Блестяще выступила заведующая кафедрой регионоведения ТГПУ профессор Л.И. Шерстова, рассказавшая о «новых мифологиях», которые создаются сейчас некоторыми представителями интеллигенции тюркоязычных народов Южной Сибири. С интересом были восприняты выступления и других гостей из Томска – Е.В. Савковича, М.А. Штанько, а также научного сотрудника Института археологии и этнографии СО РАН А.Ю. Охотникова (г. Новосибирск).

При закрытии конференции участники отметили высокий уровень ее организации и актуальность содержания дискуссий. Принято решение издать сборник, включающий не только тексты докладов, но и стенограмму их обсуждения.

В данном выпуске «Дневника АШПИ» публикуются все доклады, представленные на Интернет-конференцию и прозвучавшие 1-2 июля;

отдельно приведена стенограмма обсуждения докладов¹. Замечания, высказанные по поводу некоторых докладов на Интернет-конференции, приведены в сносках к этим докладам.

В приложении к сборнику даны стенограммы двух круглых столов, посвященных проблемам борьбы с терроризмом и реформе избирательной системы в России².

Организаторами первого круглого стола на тему **«Как нам победить терроризм?»** стали Независимая общественная палата Алтайского края, объединявшая в то время представителей 14-ти партий и общественных организаций³, и две студенческие организации — клуб «Интеллектуал» и молодежное отделение АШПИ «Международник».

Более 50 человек собрались 22 сентября 2004 г., чтобы почтить память погибших во время трагических событий в Беслане и попытаться найти ответ на вопрос: что нужно сделать, чтобы теракты больше не уносили жизни мирных граждан?

Первую часть вечера заняли выступления студентов. В зале была подготовлена выставка плакатов, стихов и литературы; прозвучали песни и стихи. Студенты-международники рассказали о том, как тема последних терактов освещалась в российских и зарубежных СМИ. И уже здесь звучали «больные» для общества вопросы. Какое отношение к борьбе с терроризмом имеет намерение отстранить народ от участия в выборах губернаторов? Чем помог президенту во время событий в Беслане Совет Федерации? Чем помогла Дума? Где была «Единая Россия»? Куда во время терактов «спряталось» правительство? И почему СМИ все время давали недостоверную информацию – и про количество заложников, и про «упавшие сами собой» самолеты, и про многое другое?

Затем в дискуссию включились политики и эксперты. Мнения не всегда совпадали, так как был представлен широкий спектр: СПС, «Яблоко», «Единая Россия», Конгресс интеллигенции, движение «Пробуждение», «Лига избирательниц Алтая», экологическая организация «Зеленые», Международный фонд реабилитации и помощи жертвам сталинизма и трудармейцам» и др.

В главном оценке большинства участников собрания оказались близкими: одна из основных причин успеха террористов – то, что власть оказалась не способной проводить умную и гибкую политику; необходимо

¹ Все стенограммы в сборнике даны с небольшими сокращениями, не искажающими суть высказанных мнений.

² Хочется выразить благодарность А. Барабашу, Л. Гордиенко, И. Лябухову, Д. Малашкину, С. Филиппову и другим студентам и аспирантам, оказавшим помощь в расшифровке стенограммы и проведении конференции.

³ В настоящее время НОП объединяет представителей более 20-ти организаций.

нормализовать социально-экономическую и политическую обстановку, необходимо устранять корни терроризма, а не бороться лишь с его последствиями; общество должно быть сплоченным перед лицом терроризма, но оно не должно позволять власти использовать это как повод для нарушения Конституции, для ущемления гражданских прав, для ограничений свободы слова, для установления режима единоличной власти; последние события выявили катастрофическую степень коррумпированности и неэффективности многих органов власти, однако чиновники, допустившие эти трагедии, вместо того, чтобы признать свою вину и уйти в отставку, добиваются теперь еще большей своей неподконтрольности со стороны общества и неограниченных полномочий; сейчас «нет нравственности во власти», и это создает угрозу еще большего отчуждения общества, еще большей незащищенности граждан перед новыми вылазками террористов; необходимо не только требовать от власти большей «прозрачности» и выполнения своих прямых обязанностей по защите граждан, но нужно и самим «наводить порядок вокруг себя», быть организованными, ответственными и бдительными; именно беспечность и сонное равнодушие граждан служат питательной средой и для терроризма, и для произвола чиновников, не несущих никакой ответственности перед обществом; терроризм – это насилие, являющееся преступным ответом на другое насилие; долг общества – воспитывать терпимость, умение находить мирные решения в конфликтах; необходимо все время помнить, что человеческая жизнь — это высшая ценность, и нельзя допускать, чтобы жизни людей становились разменной монетой в чьих-то нечистоplotных политических играх (А.И. Гончаренко, А.Х. Дитц, А.И. Колобова, С.В. Малахов, В.П. Небальзин, В.Я. Торшин и др.).

Второй «круглый стол», состоявшийся 27 октября 2004 г., стал как бы логическим продолжением первого, он был посвящен теме **«Порядок выборов губернаторов и депутатов Государственной Думы: необходимы ли изменения?»**. Организаторами выступили АШПИ, Алтайское отделение Российской ассоциации политической науки и Независимая общественная палата Алтайского края. В круглом столе приняли участие более 60 человек: члены РАПН, ученые и преподаватели местных вузов, политики и общественные деятели, представители власти, студенты, журналисты.

Многие выступавшие отметили, что теракт в Беслане был использован властью лишь как удобный повод для очередного «закручивания гаек». Этот курс может привести к еще большей бюрократизации власти, еще большему отрыву ее от народа (Д.В. Негреев, А.Х. Дитц, О.А. Аршинцева). И хотя юристы расходятся в оценке того, насколько инициативы президента отходят от буквы Конституции, нет сомнений, что

эти инициативы противоречат духу Основного Закона. При таком курсе Россия не будет ни демократическим, ни правовым, ни федеративным, ни социальным государством (Г.П. Шейда, В.П. Небальзин, Я.Ю. Шашкова, С.Ю. Асеев, В.Я. Торшин).

Сами предложенные законопроекты содержат множество противоречий и недоработок. Например, вызывает вопросы положение о том, что президент может отрешить от должности высшее должностное лицо субъекта Федерации «в связи с утратой доверия». Это, а также многое другое в инициативах 13 сентября может иметь весьма негативные последствия для всей системы государственной власти России (А.И. Старков, К.Н. Емешин, А.И. Гончаренко). Двое выступавших (А.Ф. Ляпунов и А.А. Чернаков) попытались найти оправдания ужесточению режима, однако их аргументы не встретили поддержки большинства участников собрания.

При подведении итогов дискуссии было отмечено, что для большинства собравшихся вполне очевидно, что обсуждаемые инициативы могут содержать в себе угрозу конституционному строю России. Фактически они направлены не столько на улучшение жизни людей, сколько на лишение их законно принадлежащих им прав. В этой связи необходима консолидация гражданского общества для защиты социальных и политических прав и свобод граждан. Необходимо донести это мнение до представителей власти, чтобы не были сделаны дальнейшие серьезные ошибки. Было принято решение передать основные итоги обсуждения в Государственную Думу и в президентскую администрацию.

На наш взгляд, именно такие гражданские инициативы, как эти три дискуссии, свидетельствуют о том, что в российском обществе еще теплится здоровый инстинкт самосохранения. Проблема в том, услышит ли власть голос общественности.

Разумеется, не все высказанные на конференции и на круглых столах оценки представляются нам бесспорными. Однако их ценность, на наш взгляд, заключается именно в том, что они во многом отражают тот спектр различных мнений, которые бытуют в обществе. Граждане, если они хотят выжить и остаться гражданами, не должны безучастно наблюдать за всем, что происходит вокруг.

Мы надеемся, что публикация данного сборника хоть в какой-то степени окажется полезной и для становления гражданского общества, и для развития политической науки в России и на Алтае.

Ю.Г. Чернышов, август 2005 г.

БАРНАУЛ

**СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ И МИР:
АЛЬТЕРНАТИВЫ РАЗВИТИЯ**

***Международная научно-практическая конференция
«СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ И МИР:
АЛЬТЕРНАТИВЫ РАЗВИТИЯ
(национальная, региональная идентичность
и международные отношения)»,
1-2 июля 2005 г.***

Секция 1. Проблемы идентичности в истории международных отношений в Европе в XIX–XXI вв.

О.А. Аршинцева

Британская империя: проблема извлечения исторических уроков

Динамичные изменения международной системы 90-х гг. XX в. возродили надежды на ее либерализацию, однако уже к концу десятилетия проявились противоречивые последствия этих перемен. Пытаясь выявить наиболее значимые тенденции мировых процессов, специалисты-международники все чаще используют термины «империя», «имперская политика» и т.п., заимствуя их из словаря историков и представителей традиционной геополитики. По понятным причинам, исторические параллели, к которым современные аналитики прибегают, часто носят поверхностный и не всегда исторически корректный характер. Вряд ли стоит их строго судить за это, поскольку внимательное прочтение исторических сюжетов – это дело профессионалов-историков, которые получают таким образом «законное» право голоса в обсуждении злободневных проблем, одной из которых является возрождение имперских начал в мировой политике. На наш взгляд, концепция глобализации или иные популярные версии мирового развития не дают исчерпывающего объяснения сложной природы этого явления. Именно в данном случае уместен сравнительный анализ, ретроспективный взгляд на историю строительства и практику сохранения империй нового времени, особенно в период, который Эрик Хобсбаум справедливо определяет как «век империй» и относит к 1875–1914 гг. Разумеется, автор не ставит перед собой столь амбициозные задачи, однако настаивает на актуальности изучения даже отдельных аспектов имперской практики в указанный период.

Исторически самым протяженным и наиболее связанным с мировой политикой в современном ее понимании был британский имперский опыт XVIII–XX вв. Английская историография проблемы столь обширна и разнообразна, что сама уже давно стала предметом специальных исследований. К сожалению, отечественная британистика выглядит на этом фоне весьма скромно. Но даже при таком контрасте не только для отечественных, но для более продвинутых британских исследований наиболее актуальным направлением является изучение империи в кризисных условиях, что, в свою очередь, позволяет по возможности ответить на вопросы о пределах устойчивости империи, ее адаптационных возможностях, соотношении имперских и иных интересов в системе безопасности.

Британская империя за долгую историю своего существования пережила, по крайней мере, несколько кризисов. Первая мировая война и предшествующие ей годы стали первым мирового масштаба вызовом самому ее существованию. К началу XX в. Британская империя единственная могла претендовать (с оговоркой по поводу недоминирования в континентальной Европе) на статус мировой державы, наиболее последовательно воплощая соответствующую времени геополитическую модель максимального контроля над мировым пространством с опорой на морскую гегемонию. Без преувеличения можно сказать, что имперские начала пронизывали все сферы общественной жизни, а британская политическая элита традиционно культивировала имперское мышление, что, однако, не означало его однородности. Напротив, именно судьба империи в меняющемся мире находилась в центре политических разногласий. Две крайние точки зрения выражали небольшая группа либералов, выступавших против империи в принципе, и часть консерваторов во главе с Дж. Чемберленом и А. Милнером, которые настаивали на более тесном объединении «белых» частей империи через таможенный союз. Между этими полюсами располагались сторонники английской изоляции и рационалисты, сознававшие, что доминионы не хотят более тесного союза, и представленные консерваторами, либерал-империалистами и группой критиков имперской политики, которая сложилась в либеральной партии во время англо-бурской войны. В подходах британской политической элиты к империи геополитические и стратегические соображения преобладали над экономическими. Отталкиваясь от наличия империи как свершившегося факта, сторонники колониальной экспансии в конце XIX в. настаивали на расширении границ империи еще и потому, что только так можно было обеспечить ее безопасность. Правительство Солсбери признало оборону колоний самостоятельной финансовой и административной задачей, создав в 1895 г. Комитет колониальной обороны. Доминионы, признавая свою заинтересованность в общеимперской безопасности, должны были участвовать в расходах на флот, который охранял и их прибрежные воды. Признание необходимости имперской обороны как единого целого объединяло в начале XX в. большинство консерваторов с либерал-империалистами во главе с Асквитом, Холденом и Греем. У истоков этого течения в 90-е гг. XIX в. стоял глава либерального кабинета 1892–1894 гг. Розбери, чья внешняя и колониальная политика мало отличалась от политики его предшественника консерватора Солсбери. Либерал-империалисты заняли ключевые посты, в том числе премьер-министра (Асквит с 1908 г.) в обоих предвоенных либеральных правительствах. Если иметь в виду ведущую роль

кабинета и значительную самостоятельность министерств в разработке политического курса, то становятся понятными известная преемственность имперской и внешней политики либералов, их консенсус с консерваторами по этим вопросам и разногласия с заднескамеечниками в своей парламентской фракции. Либералы учредили Комитет имперской обороны и положили начало регулярной практике проведения имперских конференций, на которых совместно с представителями доминионов обсуждались вопросы стратегической обороны империи накануне войны.

Эти перемены стали важнейшей частью новой имперской политики, вызванной возникшей в начале XX в. германской угрозой. По оценкам ведущих английских экспертов того периода, Германия с ее новыми мировыми претензиями бросила вызов самим основам имперской безопасности, что в обозримой перспективе было чревато для Великобритании катастрофическими последствиями. Не частные опасности, а глобальная угроза заставила английское руководство действовать в упреждающем режиме, радикально изменив политику «блестящей изоляции». Тройственная Антанта при ведущей роли в ней Великобритании и доминировании ее имперских интересов в условиях соглашений 1904 и 1907 гг. была нацелена на сохранение геополитических основ империи. Эта структурная перестройка международных отношений стала одной из важнейших причин Первой мировой войны.

Война, в которой Великобритания принимала участие как центр мировой империи, придала новое значение имперскому фактору в ее политике и стратегии. Протяженный характер войны и огромные материальные и людские затраты, которые доминионы были готовы разделить с метрополией, создали основу для их реального влияния на принятие геополитических решений и проектов будущего мирного урегулирования с учетом их собственных интересов и целей имперской безопасности. Военный кабинет Д. Ллойд Джорджа (1916–1918 гг.) в своей имперской политике и формировании программы мира исходил из признания этого факта. Не без давления со стороны последовательных имперцев в правительстве (Керзон, Милнер, В.Лонг) в 1917 г. было официально признано право доминионов участвовать в обсуждении британских условий мира, и для этого была возобновлена практика проведения имперских конференций. Итоги конференции 1917 г. свидетельствовали о складывании нового вектора британской политики, который достаточно гибко соединял имперские интересы и широко декларируемые в либерально-идеалистическом духе цели предотвращения войн и достижения всеобщего мира. Британская программа мирного урегулирования и ито-

ги Парижской конференции 1919 г. закрепили сложившиеся к концу войны тенденции к установлению более равноправных, партнерских отношений внутри империи. Она выжила в войне и проявила способность к трансформации в направлении Содружества наций, благодаря, в том числе, и долговременному политическому консенсусу по поводу имперских приоритетов, который объединял не только собственно британскую, но и имперские политические элиты. Однако, актуальным этот опыт делает вопрос о его цене и издержках. Эволюционный путь изменений, ранее утвердившийся во внутривнутриполитическом развитии метрополии, был перенесен в политическое пространство империи, что, конечно, не означало окончательный отказ от силовой имперской политики (ирландский и индийский опыт тому подтверждение), но постепенно меняло соотношение прямых и непрямых методов правления в пользу последних. Британская политическая элита уже к концу XIX в. в основном сумела решить вопрос, который так беспокоит сегодня З. Бжезинского, о совместимости демократии и империи, конечно, в рамках цивилизационных достижений своего времени. Своеобразной расплатой, оборотной стороной указанных явлений стала консервация имперских амбиций, инерционность имперского мышления, избежать которой не удалось даже такому выдающемуся политику и прагматику, как У. Черчилль, который даже на закате империи считал ее сохранение самоцелью.

В нынешних оживленных дискуссиях по проблемам империи на фоне многообразия тематики и подходов отчетливо проступили «болевые точки», особенно ощутимые в нашей стране как на академическом, так и на общественно-политическом уровнях обсуждения проблемы. Их появление во многом связано с неустоявшейся, а потому болезненной и противоречивой реакцией на столь недавнее имперское прошлое и неоднозначные последствия распада СССР. Историкам, участвующим в этих дискуссиях, нет необходимости специально доказывать, что один из возможных путей преодоления этого «кризиса имперской идентичности» состоит в обращении к развернутым историческим аргументам. При всей несхожести отечественного и британского имперского опыта (чей сравнительный анализ еще ждет своего исследователя) последний, даже в силу большей изученности, довольно точно позволяет идентифицировать «имперские комплексы», а значит, найти способы избавления от них.

Д.Г. Балувев
Глобализация как главный фактор,
влияющий на идентичность

Главным фактором, влияющим на мировую политику в конце XX – начале XXI вв., является глобализация. В настоящее время, несмотря на широкое употребление термина «глобализация», отсутствует единство взглядов между представителями различных научных дисциплин относительно самого феномена глобализации.

В экономических дисциплинах «образы» глобализации различны и построены на основах идей постиндустриализма и информационного общества. При этом представление об информационной экономике, становление которой как бы венчает процесс глобализации, остается крайне неопределенным.

Ричард О'Брайен ввел в обращение термин «конец географии», означающий мир, в котором национальные законы уже не всегда действуют на собственной территории, где финансовые фирмы функционируют как глобально интегрированные предприятия, а не как просто многонациональные компании, где фондовые рынки открыты для иностранных портфельных инвесторов, а не ограничены в доступе лишь для граждан собственных стран. Однако, как и с другими аспектами глобализации, не вполне ясно, что является фундаментально новым. Еще в средние века существовали многонациональные банки (ломбарды), зарубежные займы, торговля финансовыми обязательствами. Бум банковской деятельности, характеризующий вторую половину 1970-х и начало 1980-х гг., имеет множество параллелей в истории.

Поэтому глобализация не является совсем новым явлением. Новое качество глобализации состоит не только в том, что повышается уровень взаимозависимости и взаимной уязвимости государств. Фактически ослабевает внутренний суверенитет государств по все большему спектру политических направлений. Глобализация ограничивает поле деятельности правительств отдельных стран в плане возможности суверенного формирования своих обществ, изолированного решения проблем, затрагивающих национальную территорию.

Другой способ определения глобализации – сочетание юридических и организационных категорий. При таком подходе глобализация означает смесь международной, многонациональной, оффшорной и глобальной деятельности.

В рамках культурологии глобализацию понимают весьма по-разному: и как тенденцию к созданию некой единой мировой культуры/цивилизации; и как растущую взаимосотнесенность различных культур, не порождающую новую культуру, а построенную либо на

господстве одной из них, либо на их «концерте»; и как более сложные схемы, например, общность сознания, включающего в себя проекции глобального мира, продуцируемые локальными цивилизациями. Налицо полярно противоположные трактовки. Преодоление такой полярности намечено, пожалуй, в постановке проблемы о возрождении идентичности в условиях информационной революции (Мануэль Кастельс).

Между тем, в собственно социологических дисциплинах выход к идее мирового социума обозначен более скромно. В них глобализацию трактуют скорее как многосторонний процесс взаимосвязывания структур, культур и субъектов в мировом масштабе (Маргарет Эрчер) или же как процесс, размывающий географические границы социокультурных нормативов и сопровождаемый растущим осознанием этого (Малком Уотерс). Наконец, тот же процесс определяют как интенсификацию общественных отношений в мировом масштабе, так что события в тех или иных отдаленных друг от друга местах оказываются взаимосвязанными (Антони Гидденс). В итоге глобализация предстает как сжатие мира в одно целое, чуть ли не в одну точку, с одновременным осознанием этого целого локальными частями (Роланд Робертсон).

Пространственный и даже пространственно-временной аспект глобализации находит отражение в географических дисциплинах, особенно в их исторических ответвлениях. Во франкоязычной литературе «мондиализацию» (эквивалент «глобализации») понимают как трансакционный процесс, порождаемый всевозможными обменах между разными частями земного шара, или как своего рода всеобщий обмен в масштабах человечества.

В теории международных отношений все чаще говорят о необходимости анализировать не только транс – и кросснациональные феномены, но и мировой социум. В теории международных отношений понятие «глобализация» тесно связано с активно обсуждавшимися в 1970–80-х гг. концепциями взаимозависимости участников международных отношений. В этом же ряду стоят представления о мировом, или глобальном, гражданском обществе. По мнению Х. Булла, глобализация – это распространение европейской системы государств по всему миру и ее трансформация в систему государств глобального измерения.

Последствия глобализации неоднозначны, как неоднозначны и их оценки. Как писали Дж. Станслоу и Д. Ергин, «возникает новая действительность. Это не процесс, а условие – глобальность, мировая экономика, в которой традиционные и знакомые границы преодолеваются или становятся неуместными. Конец Советского Союза и коммунизма

перекроил карту мировой политики и подчинил идеологию как доминирующий фактор в международных делах».

Одной из негативных тенденций является усиление этнических конфликтов. Как писал Г. Киссинджер, «мир может превратиться в двухъярусную систему, в которой глобализирующиеся элиты связаны общими ценностями и технологиями, в то время как большая часть населения чувствует себя исключенной (из процесса глобализации) и обращается к национализму и этничности в попытках освободиться от того, что она считает американской гегемонией». По мнению М. Кастельса, «националистические движения как движения, рационализирующие интересы определенной элиты, создают национальную идентичность, которая, в случае ее успеха, поддерживается государством-нацией, затем распространяется пропагандой среди его граждан до такой степени, что они готовы отдать жизнь за свою нацию». Национализм не обязательно является элитным феноменом. Более того, чаще всего в настоящее время национализм является реакцией против глобальных элит. Конечно, глобализация не является единственной причиной обострения этнических конфликтов, однако информационная прозрачность делает их доступными широкой аудитории и усиливает их.

Сущность национализма заключается в идентификации индивида с нацией или национальным государством. Глобализация приводит к личной идентификации с глобальным сообществом и не требует личной идентификации с государством. Государство, формирующееся без национальной идентификации, с населением, которому по-прежнему требуется идентификация с какой-либо группой, подвержено общественному расколу. Индивиды идентифицируют себя не с государством, а с кланами, семьями, территориями, определенной культурой или субкультурой.

Сторонники глобализации заявляют, что она в конечном итоге вынудит все правительства проводить миролюбивую, демократическую, основывающуюся на законности и рыночных принципах политику, что приведет к лучшему состоянию мировой системы.

Согласно господствующей мифологии, глобализация – это процесс:

- неизбежный, фатально predetermined;
- универсализирующий или нивелирующий все различия – от экономических до культурных;
- тождественный вестернизации или американизации;
- односторонний, то есть безальтернативный;
- стирающий не только различия, но и неравенства и устраняющий суверенное «территориальное» государство.

Наиболее распространенное мнение гласит, что в долгосрочной перспективе рост свободного рынка и новые технологии решают больше проблем, чем создают.

Критики глобализации, напротив, заявляют, что она способствует увеличению прибыли корпораций за счет работников, подрывает демократию, ухудшает экологическую обстановку, понижает стандарты здоровья и охраны труда, способствует культурному нивелированию, способствует распространению преступности и эскалации вооруженных конфликтов.

В оппозиционных построениях все эти стереотипы глобалистского мейнстрима выступают как бы в перевернутом виде. Глобализация предстает в них процессом:

- не предопределенным или неизбежным, а обратимым;
- имеющим альтернативу в виде национальных и почвеннических идентичностей, противоположаемых вестернизации и американизации;
- углубляющим неравенства и расчленения в сложившемся мироустройстве, которое трансформируется в систему, где господствует глобальный корпоративный капитализм.

Масштабы глобализации означают, что международная система может быть понята не только как отношения между государствами, но и как сеть взаимодействий, которая связывает людей вместе.

Подводя итог, можно отметить, что оценки влияния глобализации на мировую систему крайне неоднозначны. Открытие стран и обществ в международной системе имело как позитивные, так и отрицательные последствия. Хотя, в общем, растущая взаимозависимость приносит многие блага, она создает и новые угрозы и увеличивает уязвимость. К ним относятся распространение потенциально опасных технологий, ослабление государств, появление негосударственных акторов с непредсказуемым поведением, отсутствие каких-либо форм отчетности и контроля над деятельностью многих глобальных акторов, повышение уязвимости глобальной инфраструктуры.

По-разному рассматриваются и перспективы глобализации. Многие рассматривают избрание Дж. Буша (мл.) президентом в 2000 г., которое совпало с окончанием экономического бума в США, в качестве поворотного пункта в истории ведомой Соединенными Штатами глобализации. Например, Д. Грэй, который связывает «проект глобализации» с администрацией Клинтона, отмечал, что президентство Буша является проявлением глобализации. Другие аналитики считают, что истоки «проекта глобализации» относятся к 1970-м гг., а не ко времени президентства Клинтона. Более того, несмотря на окончание экономического

бума, изменения в мировой конфигурации финансовых и корпоративных сил означают, что, даже если правительство США столкнется с оппозицией неолиберальному курсу, оно не сможет обратить процесс глобализации вспять. Новые вызовы процессу глобализации еще не возникли. Старые же (государственный социализм советского образца или государство развития в Восточной Азии) исчезли.

Существует несколько причин для уверенности, что отказ от политики глобализации если не невозможен, то крайне маловероятен. Во-первых, технология сама по себе является достаточно мощной движущей силой процесса. Кроссграничные потоки информации будут расти независимо от решений политиков. Во-вторых, системы международного управления (правила и институты) гораздо более развиты сейчас, чем это было в 1930-х гг. В-третьих, несмотря на драматичность кризиса 1998 г., он несравним с межвоенным периодом.

Литература

1. Чешков М. Глобализация: сущность, нынешняя фаза, перспективы // Pro et Contra. Т. 4. Осень. 1999.
2. Berger M.T. The Nation-State and the Challenge of Global Capitalism // Third World Quarterly. Vol. 22. N 6. P. 890.
3. Bull. The Anarchical Society. L., 1977. P. 21.
4. Buzan B, Little R. Why International Relations Has Failed as an Intellectual Project and What to Do About It? // Millennium: Journal of International Studies. 2001, Vol. 30. N 1. P. 21.
5. Cable V. Globalization and Global Governance. L., 1999. P. 4.
6. Castells M. The Power of Identity. Blackwell Publishers, 1998. P. 28.
7. Kissinger H.A. Making a Go of Globalization // The Washington Post, December 20, 1999, A33.
8. Stanislaw J., Yergin D. The Commanding Heights. N.Y., 1998.

О.Н. Барабанов

Глобальный консенсус или глобальное доминирование: влияние мировой политики на государственный суверенитет и идентичность

В пятом номере журнала «Полис» за 2004 г. развернулась дискуссия о развитии мировой политики как научной и учебной дисциплины и ее соотношении с иными областями политологического знания. С программными статьями на эту тему выступили М.В. Ильин, М.М. Лебедева и А.Ю. Мельвиль. По аналогии с известными западными дискуссиями можно сказать, что в российском политологическом обществе вслед за «первым большим спором» конца 1990-х гг. (о разграничении мировой политики и международных отношений) начался «второй».

Общепризнанно, что дисциплина «мировая политика» выросла из либералистской теории международных отношений. Но если вернуться к стереотипному представлению, что реализм и либерализм есть не более чем внешнеполитические платформы, соответственно, республиканской и демократической партий США, то вопрос о предметном поле мировой политики приобретает новые ракурсы.

Становление в России этой дисциплины пришлось на вторую половину 1990-х гг., т.е. на период расцвета клинтоновского интернационализма и глобализма. В то время США пытались преподнести свою политику как выражение интересов мирового сообщества. Говорилось (особенно после Косова) о вытеснении моральными императивами «устаревших» и «недостаточных» норм Устава ООН, о праве мирового сообщества на вмешательство в дела государств, выдвигалась идея формирования глобального коммунитарного права – так называемого «конституционного права народов». Внушалась мысль о том, что Вестфальская модель мира, стоящая на принципах государственного суверенитета, постепенно должна смениться системой глобального «управления без правительства», основанной на понимании сообщества демократических государств как «широкого униполюса» мирового сообщества в целом, о необходимости расширения такого сообщества до демократического мира в целом и о том, что его консенсус должен стать критерием для принятия решений, ограничивающих или нарушающих суверенитет отдельных государств.

Все вышесказанное и составляло специфику предмета мировой политики (в ее традиционной либералистской трактовке), а потому новая дисциплина зазвучала в России свежо и актуально. Тезисы мировой политики оказались востребованы если не в Кремле (где господствовала установка на «холодный мир», многополярность и борьбу с гуманитарной интервенцией), то уж точно в академических и экспертных кругах.

Но времена меняются. Клинтона сменил Буш, а «либералистскую» операцию в Косово – «реалистский» Ирак. США отказались от «почетного бремени» быть выразителями интересов мирового сообщества и ради достижения своих целей даже пошли на раскол в рядах собственных союзников. Снова начались разговоры о приоритетной роли военной силы в международных отношениях, о праве силы вообще, о победе «харда» над «софтом», о возвращении «hard power» и «hard security». На горизонте вновь замаячил и ядерный сценарий. Западные журналы заполнились рассуждениями о «конце глобализации» и возвращении эры национального интереса. В результате глобальное управление как консенсус «широкого униполюса» отступило перед глобальным доминированием ведущей державы с ее «унилатерализмом»,

а демократический мир – перед глобальной империей США. И максимум того, на что в нынешних условиях отваживаются европейские аналитики, – это проводить различие между «империей по Гоббсу» (совсем уж непредсказуемой и унилатералистской) и «империей по Локку» (хоть как-то прислушивающейся к пожеланиям союзников). После поражения Керри стало ясно, что это – сценарий не только на ближайшую, но и на среднесрочную перспективу.

Но позволительно спросить: а где же здесь место для дисциплины «мировая политика»? Мир стал противоположным тому, каким она его моделирует. «Светлые» образы либералистских трактовок утратили свою актуальность, превратившись, подобно «Первому докладу» Римского клуба, не более чем в исторический памятник футурологической мысли.

Объект исследования (мир как политическое целое), впрочем, осталась, но либералистская мировая политика глобального демократического консенсуса сменилась политикой глобального доминирования. И традиционным реалистским термином «международная политика» ее тоже не назовешь, поскольку баланс сил и доминирование суть вещи разные, да и негосударственные акторы в этом мире тоже действуют.

В итоге хрупкое, если не сказать хрустальное, предметное поле мировой политики оказалось под серьезным ударом. И, казалось бы, завершенная на рубеже 2000-х гг. работа по «очерчиванию» и стабилизации этого предметного поля на самом деле только начинается. Сможет ли дисциплина выйти за рамки либерализма и стать идеологически нейтральной «политологией мира» – вот, с моей точки зрения, важнейший вопрос, стоящий перед академическим сообществом.

Одним из путей его решения (в условиях меняющихся моделей мирового устройства) могло бы стать применение исторического подхода. Формирование и эволюцию единой политической системы мира целесообразно рассматривать именно в исторической перспективе (или ретроспективе – оба принципа построения курса вполне возможны). Такой подход в осмыслении и преподавании дисциплины «мировая политика» пока еще слабо используется. Обычно акцент делается на выстраивании системы мировой политики и ее корреляции с существующими теориями международных отношений и «внутренней» (т.е. «внутригосударственной») политологии. Историческая же эволюция политической системы мира специально, как правило, не анализируется (что, впрочем, вполне объяснимо ввиду «молодости» самой системы). Студенты обычно изучают лишь историю международных отношений, т.е. совсем другой предмет. Не затрагивается история современной политической системы мира и в курсе «История мировой по-

литики», с 2003 г. читаемом автором данной статьи в МГИМО. При его подготовке я исходил из того, что, поскольку мы говорим об эрозии Вестфальской модели мира, то целесообразно познакомить студентов с довестфальским универсализмом, и, соответственно, делал упор на историю древнего мира, средних веков и раннего Нового времени, представляющую особую важность для студентов отделения мировой политики.

В целом же, повторяю, из двух неотъемлемых элементов любой научной дисциплины («система» и «история», «статика» и «динамика») в мировой политике мы видим явное превалирование «системы». Однако сейчас, когда глобализм Клинтона сменился унилатерализмом Буша, пришло время обратиться к ее «динамическому» компоненту.

Но здесь неизбежно встает вопрос: с какого именно момента можно вести речь о единой политической системе мира? На этот вопрос существует несколько ответов. Самой «недавней» по времени точкой отсчета являются 1999 г. и косовский кризис – рубежное событие не только по своему общественному резонансу, но и по тому, что именно в Косове произошел окончательный слом Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений и характерных для нее правовых норм регулирования, основанных на Уставе ООН. Следующее рубежное событие – финансовый кризис 1997–1998 гг., впервые показавший реальную взаимозависимость мира и вызвавший волну рассуждений о том, что нынешние международные институты не справляются со своими функциями и потому нужна перестройка глобальной политической архитектуры. Третий вариант – «интернетизация» мира в середине 1990-х гг., качественно изменившая его характеристики и значительно усилившая человеческое измерение мировой политики.

Еще одна допустимая точка отсчета – начало 1980-х гг., когда появился сам термин «глобализация», зафиксировавший складывание единого рынка сбыта ТНК, а также формирование подлинно транснациональных и свободных рынков государственных долговых обязательств (после нефтяного кризиса 1979 г.) и акций (как следствие «тэтчеризма» и «рейганомики»).

Другая возможная дата: конец 1960-х – начало 1970-х гг. Именно тогда мировое сообщество осознало значимость глобальных проблем экологии и ресурсов (создание Римского клуба и появление концепции «пределов роста», конференции ООН по окружающей среде и по народонаселению), именно тогда впервые в военном конфликте (в войне Судного дня 1973 г.) было использовано «нефтяное оружие» и произошел вызвавший глобальные политические последствия скачок цен на нефть, именно тогда была сформирована Трехсторонняя комиссия,

ставшая эффективным неформальным инструментом глобального регулирования и приведшая к власти Дж. Картера с его идеологией глобализма, именно тогда, наконец, прошло Хельсинкское заседание СБСЕ и был достигнут консенсус по вопросам безопасности.

Обретя собственную историю, мировая политика сможет переработать и деидеологизировать свою систему, превратив ее в нейтральную «политологию мира», или Global Political Science. В рамках этой дисциплины можно будет выделять главы о политической культуре мира, о формах властных отношений на планете (будь то имперское доминирование, консенсус или что-нибудь еще), об авторитарности и демократичности, о бюрократии и гражданском обществе и таким образом действительно экстраполировать соответствующие разделы политологии на уровень единой политической системы мира. Именно тогда становление нашей дисциплины будет завершено.

А.М. Бетмакаев

**Идентичность за Берлинской стеной:
восточные немцы и «режим СЕПГ» в 1961–1989 гг.**

«Холодная война» углубила кризис идентичности немецкой нации, возникший в результате поражения Германии во Второй мировой войне и раскола Германии. Вовлечение двух частей расколотой нации в противостояние Востока и Запада оказало заметное влияние на попытки преодоления кризиса идентичности по обе стороны германо-германской границы.

С момента возникновения ГДР правящая Социалистическая единая партия ГДР заявляла об идентичности понятий «ГДР» и «германский народ», определяя Германскую Демократическую Республику единственным законным немецким государством. Но доступность «другой Германии» (ФРГ), которая в результате успехов «экономического чуда» в течение 50-х гг. становилась все более привлекательной для восточных немцев, бежавших на Запад, обрекала политику «режима СЕПГ» на провал.

Установление Берлинской стены 13 августа 1961 г. было, пожалуй, важнейшей попыткой преодолеть кризис не столько общегерманской, сколько восточногерманской идентичности: были жестко установлены границы между двумя Германиями. Берлинская стена устанавливала необходимые пространственные рамки восточногерманской идентичности, проводя разграничение между западной и восточной частями немецкой нации. Поэтому первый секретарь ЦК СЕПГ и Председатель Государственного Совета ГДР В. Ульбрихт назвал 13 августа 1961 г. «вторым днем рождения ГДР». В официальной пропаганде стена получила название «антифашистский защитный вал».

Отныне в речах руководителей ГДР и в учебниках истории прошлое немецкой нации имело две изолированные, параллельные линии преемственности: от «третьего рейха» к ФРГ (отрицательная идентичность) и от антифашистского рабочего движения к ГДР (положительная идентичность). Начиная с 1945 г., коммунисты доказывали свое право на монопольную власть утверждением, что они представляли прогрессивную часть немецкого общества, которая последовательно боролась против нацистов и принесла наибольшие жертвы.

После войны антифашизм был подлинным убеждением многих восточных немцев, переживших национальную катастрофу. Используя морально-психологический кризис, в котором немцы находились после поражения национал-социализма, коммунистическое руководство могло легко манипулировать людьми. Оно предлагало деморализованному населению фактически новый «общественный договор»: «мы» (государство СЕПГ) говорим «вам» (гражданам) свободно о вашей солидарной ответственности за геноцид и захватническую войну. Вы принимаете за это нашу власть. «Мы», герои вчерашней борьбы, позволяем участвовать «вам» в нашем триумфе сегодня. Если «вы» лояльны к «нашей» власти, «мы» делаем «вас» наряду с «нами» «триумфаторами истории» (по выражению Ульбрихта, 1970 г.).

Конечно, этот пакт – оправдание нового подчинения граждан – открыто никогда не был оформлен. Но «приказной антифашизм» являлся мифом возникновения и легитимации ГДР. Он распространялся в восточногерманском обществе как наименьший общий знаменатель государственного сознания, объединяющий все слои населения.

Берлинская стена забрала у восточных немцев право на свободу и стала внешним символом «государства СЕПГ». Отделение восточных немцев от западных оказывалось таким образом основой господства СЕПГ над населением Восточной Германии. ГДР была, как провозглашалось в программе СЕПГ (1963 г.), «национальной и социальной альтернативой господствующему в Западной Германии империализму». Новая Конституция ГДР 1968 г. начиналась с положения: «Германская Демократическая Республика является социалистическим государством немецкой нации. Она является политической организацией трудящихся в городе и селе, которые сообща под руководством рабочего класса и его марксистско-ленинской партии осуществляют социализм».

От существования стены зависела стабильность системы господства СЕПГ. Поэтому власть беспрерывно совершенствовала пограничный режим. Безопасность «защитного вала» оправдывала жестокость в случае применения силы. Попытки побега наказывались, как правило, 2 годами тюремного заключения. Для предотвращения побега через

стену пограничники использовали огнестрельное оружие и установили мины на прилегающей к стене полосе. В результате погибло более 1 тыс. чел. Уголовное законодательство 70-х гг. обязывало знающих о планах бегства доносить под угрозой наказания за «соучастие». При этом всегда для «соучастников» речь шла об их профессиональном будущем, будущем их детей, шансов на выживание и привилегий всех родственников. Как скрытая, но явная угроза действовала вездесущая государственная безопасность. Страх придавал прочность системе власти СЕПГ.

Миллионы людей в ГДР оценили установление стены как оскорбление и унижение. Особенно были удручены те восточные немцы, кто имел родственников и друзей в Западной Германии. Официальная пропаганда объявила окончательность выполненного стеной раскола Германии. В 1971 г. новый лидер ГДР и СЕПГ Э. Хонеккер подхватил объявленную Ульбрихтом идею образования «социалистической нации» в ГДР.

С годами население научилось жить за стеной. В Восточном Берлине повседневная жизнь протекала так, как будто Западный Берлин вовсе не существовал. На плане города не были указаны западные районы Берлина. В противоречии с этим находилась вечерняя «телевизионная эмиграция» большинства граждан ГДР, которые смотрели западногерманские телепередачи. Она облегчала «существование как будто бы» (als-ob-Existenz), которое заключалось в разрыве между общественной и частной жизнью: на предприятии восточный немец был тем, каким его хотел видеть «режим СЕПГ», но у себя дома, в частной нише, он был тем, каким он хотел быть сам. К частной стороне «двойного существования» принадлежало не только западное телевидение, но и рассказывание политических анекдотов в кругу доверенных знакомых.

Другим примером компенсации «существования как будто бы» в ГДР были западные потребительские товары. Западную одежду носили охотно и демонстративно. Особенно подходили для демонстрации своей принадлежности к «избранным» небрежно предложенные западные сигареты. Эти традиции происходили из мифа западных товаров как принципиально лучших товаров «другой жизни». Еще большее значение имел миф западной валюты. В 80-е гг. марка ФРГ стала второй валютой, на которую покупались не только столь желанные товары и материалы, но и услуги в быту. СЕПГ бесстыдно использовала потребность в западных товарах ввиду недостатков плановой экономической системы, чтобы направлять граждан в государственные валютные магазины.

Предпочтение «западных» товаров «восточным» (ГДР) товарам влияло на формирование менталитета «бедных родственников». Восточные немцы не находили ничего зазорного принимать помощь у благополучных западных немцев, у гостей и родственников. Соответствующий «синдром благотворительности» развивался у родственников и знакомых в ФРГ. Одновременно у восточных немцев формировалось специфическое осознание неполноценности ГДР. Купленный после десятилетнего ожидания и экономии автомобиль «Трабант» с пластмассовым корпусом символизировал восточногерманский комплекс неполноценности по сравнению с западными машинами, которые были предметами культа.

Запрет на поездки в ФРГ был сперва тотальным. Позже ограничения были сняты, сначала для пенсионеров и для лиц, выезжающих по «безотлагательным семейным обстоятельствам». В отличие от пенсионеров, чья возможность поездки имела характер государственной привилегии, прочие граждане находились в зависимости от государственного разрешения, которое предполагало получение с места работы заявителя удостоверения его благонадежности. Разрешение совершить поездку на Запад было средством, чтобы вызывать лояльное отношение к режиму со стороны получателей разрешения.

Право на «постоянный выезд» официально появилось только в 1988 г., но было обставлено массой условий. Впрочем, для восточного немца принять решение об этом было тяжелым делом. Все понимали, что придется навсегда расстаться с друзьями, родственниками, знакомыми и коллегами. Начиналась психологическая драма «внутренней эмиграции». Органы СЕПГ побуждали рабочие коллективы дистанцироваться от заявителей.

В обществе возник новый раскол. Выезд благополучных (по материальным меркам ГДР) лиц на Запад вызвал общественное негодование. Оно нашло свое выражение в лозунгах «Мы остаемся здесь!» и «Мы, народ!» в призыве осенних демонстрантов 1989 г., чья активность привела к падению Берлинской стены и «режима СЕПГ». Демонстранты, пожалуй, хотели скорее другой, открытой и демократической Восточной Германии, чем безусловного присоединения к ФРГ. Так стихийно проявились признаки собственной восточногерманской идентичности, которые были скрыты до этого времени официальной идеологией. Попытки «режима СЕПГ» навязать восточногерманскую идентичность «сверху» потерпели неудачу, поскольку основывались не на общественном согласии, а на принуждении. Впрочем, ход немецкого объединения в 1990 г. не оставил никакого шанса для оформления восточногерманского общественного согласия.

О.М. Болдырева

Европейское объединение угля и стали – первый опыт воспитания общеевропейской идентичности

В XX в. подъем интереса к проектам европейской интеграции, создания прочного политического и экономического союза на территории Европы пришелся на окончание Второй мировой войны.

В 1945 г. Европа находилась в отчаянном положении. Промышленность и торговля едва теплились. Производство сократилось в пять раз по сравнению с довоенным уровнем. Выживание, а не возрождение было лозунгом дня. Побудительным фактором развития объединительных процессов в западной части Европы стала потребность сообща решать проблемы, вставшие перед западноевропейскими странами после окончания войны.

Первые западноевропейские объединительные структуры появились в результате реализации «плана Маршалла» (Организация Европейского экономического сотрудничества). Однако эта структура так и не смогла разработать единую программу экономического развития Западной Европы. Крайне негативную роль в этом играла разобщенность усилий отдельных правительств, которые слишком ревниво относились к вопросу о национальном суверенитете. Аналогичная ситуация сложилась в Совете Европы. Интеграция казалась возможной, но пути ее развития представлялись туманными для европейских политиков. Добровольное объединение требовало масштабных политико-экономических компромиссов.

Именно в таких условиях была создана новая концепция интеграции, тем более интересная, что, на первый взгляд, она совсем не соответствовала общеизвестным взглядам ее автора. Это был знаменитый «план Шумана», подразумевавший наднациональное объединение угольной и сталелитейной промышленности Франции и Германии. Автором и вдохновителем этого плана был французский финансист Жан Монне. Весной 1950 г. он приступил к разработке плана, которому суждено было воплотиться в Европейское объединение угля и стали (ЕОУС). В его основу была положена концепция надгосударственности.

План Шумана был парадоксален уже потому, что сам Монне, будучи убежденным федералистом, сторонником политического объединения Европы, предложил в нем, казалось бы, прямо противоположную идею. На первый взгляд, план касался только экономической составляющей, причем достаточно узкого ее аспекта – черной металлургии. Кроме того, удивление и некоторое подозрение в мире вызывало сотрудничество двух основных субъектов этого плана – Франции и Германии. Учитывая исторические напластования вражды и серьезные разли-

чия во внутри- и внешнеполитических приоритетах, сотрудничество между этими странами казалось абсурдным. Но при более внимательном анализе все эти парадоксы имеют вполне конкретное объяснение.

Монне был свидетелем целого ряда неудачных попыток интеграции Европы и пришел к убеждению, что идея создания полного институционального здания единовременно является неосуществимой мечтой. При попытке ее воплощения государства оказали бы такое ожесточенное сопротивление, что инициатива была бы обречена на неудачу. Успеха можно было добиться лишь в том случае, если бы удалось наметить несколько конкретных целей, имеющих огромное психологическое значение, а также выработать механизм принятия решений, действие которого постепенно можно было бы распространить и на другие области. Весьма интересным представляется отношение Монне к своему плану не просто как к интеграционной концепции, но и как к мероприятию психологического, даже воспитательного характера. Мысль о необходимости «изменить направленность умов», привыкших жить в атмосфере status quo, в условиях неравенства возможностей даже на уровне государств, неоднократно прослеживается в рассуждениях Монне. Но, чтобы добиться успеха в решении вопросов интеграции, предстояло разрешить многие серьезные противоречия между старыми соперниками на континенте. Особую роль играли, конечно, франко-германские отношения. Было очевидно, что никакая политическая или экономическая структура межгосударственного характера, претендующая на роль основы интеграционных процессов, не сможет быть эффективной без поддержки Франции и ФРГ, причем действующих с согласованных позиций.

Для реализации своего плана Монне выработал метод интеграционного строительства – метод последовательного решения сначала наиболее простых задач, не вызывающих возражений ни у кого из государств-членов. Основной идеей являлось сотрудничество в пределах возможного и создание в процессе этого сотрудничества предпосылок для решения более сложных задач, которые на начальном этапе казались совершенно неосуществимыми. Именно эта идея впоследствии показала свою жизнеспособность.

Идея Монне могла воплотиться в жизнь только в том случае, если бы ее взял на вооружение крупный политик. Текст передали министру иностранных дел Р. Шуману, который сразу заявил о своем согласии с предложениями и приступил к их реализации. 9 мая 1950 г. Шуман выступил с декларацией о создании ЕОУС. Шуман и Монне неоднократно указывали на важность «фактической солидарности» в деле европейской интеграции. ЕОУС, по их мнению, позволял добиться

сразу нескольких целей: решить те экономические проблемы, которые выходили за рамки возможностей отдельно взятых государств и обеспечить контроль над возрождающимся экономическим потенциалом Западной Германии. Монне отмечал, что слияние металлургической и угледобывающей промышленности должно дать толчок к процессу объединения в других сферах, а это, в свою очередь, стало бы основой западноевропейской федерации.

Монне понимал, что намеченный процесс будет жизнеспособным лишь в том случае, если он будет идти снизу вверх – от экономики к политике, а не наоборот, как это предполагалось ранее. Вместе с тем, сам Монне отнюдь не считал свой план направленным на разрешение исключительно экономических проблем. Скорее наоборот. Он неоднократно подчеркивал, что «французское предложение вдохновляется, прежде всего, политическими соображениями».

Особое место в концепции Монне занимало понятие «фактическая солидарность». Для него это был не просто очередной красивый литературный оборот, которыми были переполнены предыдущие интеграционные планы, но одновременно цель и средство европейского объединения. Фактическую солидарность европейцев предполагалось создавать путем проведения реальных мероприятий, «совместных конкретных дел». И именно опыт совместной работы, дающей положительные результаты для всех сторон, должен был активизировать объединительный процесс. Подобная солидарность должна была воспитать взаимное уважение и доверие, прежде всего между представителями французской и немецкой наций, искоренить многовековое стремление к соперничеству и реваншу. Доверие, основанное на равноправном, честном сотрудничестве являлось, по мнению Монне, наиболее прочным. Тем более, если область этого сотрудничества была столь деликатной и жизненно важной.

С первых же дней оккупации немецкой зоны Франция приложила все усилия для того, чтобы задержать возрождение Германии, и прежде всего ее тяжелой промышленности. В данной ситуации Монне понимал реальность и даже неизбежность нового столкновения между Францией и Германией. Понимая, что именно уголь и сталь являются самым уязвимым местом во франко-германских отношениях, проблемой, которая уже давно вышла за экономические рамки, Монне считал необходимым для достижения своей главной цели – объединения и умиротворения Европы – сосредоточиться на разрешении именно этой проблемы.

В своих рассуждениях Монне пошел достаточно далеко, обозначив центральной задачей ЕОУС франко-немецкое объединение. Подобная

позиция вызвала определенную тревогу во французском обществе (во Франции была довольно популярна идея о том, что «план Шумана» – это «новый Мюнхен»). Многим французам, еще не отошедшим от шока нацистской оккупации, чудовищной казалась сама идея какого-либо объединения с немцами. Но стремление Монне «изменить направленность умов» постепенно принесло свои плоды, внося определенные колебания и надежду в общественное мнение Франции.

Шуман и Монне предложили, казалось, совершенно парадоксальную вещь: ядром экономического объединения Западной Европы будут именно Франция и Западная Германия, каждая из которых сможет на основе взаимного компромисса решить стоящие перед ними задачи: Франция могла бы претендовать на роль лидера интеграционных процессов в Западной Европе, а ФРГ решила бы вопрос о восстановлении своих экономических и политических позиций в послевоенной Европе.

Около года заняла работа над доведением проекта до стадии конкретного соглашения. И только 18 апреля 1951 г. оно было подписано. Текст отпечатали во французской типографии на голландской бумаге немецкими чернилами. Переплет был изготовлен в Бельгии и Люксембурге, а шелковые закладки – в Италии.

ЕОУС начало свою работу в Люксембурге 10 августа 1952 г. Возглавил организацию сам Монне. В феврале 1953 г. начал действовать единый рынок для угля и железной руды, а в мае того же года – и для стали. Таким образом, ЕОУС обрело реальное воплощение в жизни. Основой договора о ЕОУС послужила идея о «частичной интеграции», то есть создании платформы для углубления интеграционных процессов. К концу 1955 г. ЕОУС превратилось в хорошо отлаженный механизм экономического взаимодействия шести западноевропейских государств. Главным было то, что европейцы увидели, что несколько стран могут успешно сотрудничать в рамках общих интеграционных программ и структур. Постепенно стала создаваться «фактическая солидарность» в пользу развития и углубления интеграции, которая проявлялась в желании государств-членов ЕОУС на основе опыта работы этой организации разработать более широкомасштабные интеграционные проекты. «План Шумана» дал мощный импульс дальнейшим интеграционным процессам. И несмотря на то, что некоторые планы военного и политического объединения Европы в 50-х гг. не нашли поддержки и были провалены, опыт экономической интеграции оказался успешным и перспективным. В середине 1950-х гг. Ж. Монне сказал: «Меня мало волнуют проблемы угля и стали, я – за европейский союз». Важен был старт, а перспектива обширных экономических проектов в рамках интеграции стала вырисовываться позднее.

Литература

1. Монне Ж. Реальность и политика. М., 2001.
2. Скворцов О.И. Западноевропейские политики в поисках оптимальных форм экономической и военно-политической интеграции в первой половине 1950-х годов. М., 1996.
3. Schmitt H.A. European Union: From Hitler to De Gaulle. N.Y., 1969.

В.В. Василенко

Польская идентичность в национальной политике польского эмигрантского правительства: планы и реальность

В настоящее время Третья республика, как и многие государства региона Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), переживает кризис идентичности. Он обусловлен, пожалуй, не столько преодолением коммунистического наследия и геополитическими сдвигами в регионе в результате распада соцлагеря, а скорее, как оказалось, неоднозначным процессом «возвращения в Европу», в частности, интеграцией в западные институты, развитием демократии и свободного рынка. Исследователи отмечают формирование (а также трансформацию) в Польше идентичностей разного уровня – региональной, национальной и европейской. В этой иерархии, на наш взгляд, именно направление процесса трансформации национальной идентичности демонстрирует видение Польшей своих особенностей, своего места в новой Европе.

На польской политической арене сейчас достаточно широко представлены силы, указывающие в качестве идеала, точки опоры, Вторую республику, которая, помимо прочего, противопоставляется коммунистическому периоду. Но в то же время нельзя забывать о том, что такие взгляды опасны идеализацией польской этно-национальной модели межвоенных лет (в литературе зачастую противопоставляется этнический национализм ЦВЕ и гражданский национализм Западной Европы; отмечается, что первый более деструктивен – И.И. Жуковский).

В этой связи видение роли этнических поляков в концепции национальной политики послевоенной Польши польским эмигрантским правительством, правопреемником Второй республики, в годы Второй мировой войны представляется весьма актуальным. Таким образом, мы сосредоточиваем внимание на выражении национальной идентичности в сфере национальной политики. В рамках данной работы рассматривается главным образом позиция польского правительства в изгнании по украинскому вопросу в послевоенной Польше – самому острому в сфере отношений поляков и национальных меньшинств, особенно в период войны.

После Первой мировой войны в польском государстве возобладали концепция национального государства, разработанная лидером национал-демократов Р. Дмовским. Одной из ее основных идей было признание необходимости колонизации украинцев, а также белорусов, поскольку они уступали полякам по уровню культуры и национальной зрелости.

В этот период на базе Лиги наций активно разрабатывались механизмы защиты прав национальных меньшинств. В результате основу межвоенной системы охраны прав национальных меньшинств составили 18 международных актов. Польша первой взяла на себя обязательства в этой сфере, подписав 28 июня 1919 г., одновременно с Версальским договором, Малый Версальский трактат.

Однако созданный международный механизм охраны прав национальных меньшинств был весьма противоречивым и, как следствие, неэффективным. Так, обязательствами в данной области оказались связанными только побежденные, а также малые и средние европейские страны, ассоциировавшиеся с лагерем Антанты. В результате данные страны и Польша, в частности, считали свои международные обязательства по охране национальных меньшинств ограничением в правах и не стремились к их выполнению, скорее наоборот. Польша в сентябре 1934 г. денонсировала трактат от 28 июня 1919 г. Кроме того, дестабилизировал обстановку различный статус национальных меньшинств. Ярким примером этого являлось положение дел в польском государстве. Украинское национальное меньшинство, самое многочисленное в Польше (14,3% от населения страны), было фактически бесправным, в то время как немецкое (4,7%) пользовалось рядом прав и привилегий, оговоренных в двух дополнительных польско-германских соглашениях.

Таким образом, украинское меньшинство во Второй республике в результате проведения линии руководства страны ощущало свое бесправие и терпело притеснения: возникавшие конфликты украинского меньшинства как с администрацией, так и с поляками подавлялись. Созданная под эгидой Лиги наций система международной охраны прав национальных меньшинств фактически никак не способствовала улучшению положения украинцев в Польше. Политика правящих кругов польского государства провоцировала межнациональные антагонизмы.

В ходе Второй мировой войны, по мнению большинства исследователей, произошло обострение межнациональных отношений. В этой связи отечественный исследователь Л.Б. Милякова справедливо отме-

чает: «война довершила раскол польского общества по национальному признаку».

Начало Второй мировой войне положила сентябрьская кампания гитлеровской Германии против Польши. Ввиду неминуемого поражения польской армии под ударами Германии, а затем и СССР, 30 сентября 1939 г. в Париже было сформировано польское правительство в эмиграции (после поражения Франции оно переехало в Лондон), которое было признано в качестве правопреемника властей Второй республики. Несмотря на такой статус, польское руководство в изгнании по сравнению с довоенным санационным правительством претерпело ряд кардинальных изменений. Весьма значимым стало то, что в условиях войны к власти смогли прийти многие представители оппозиции «санации». Так, польское эмигрантское правительство возглавил один из лидеров оппозиции генерал В. Сикорский. Незадолго до образования правительства в эмиграции военное руководство «санации» организовало подпольные военную и политическую организацию в терпящей поражение стране. Однако новый польский лидер в ходе 1939–1940 гг. смог создать альтернативные организации (прежние подлежали роспуску), таким образом поставив во многом под свой контроль подпольные органы оккупированной Польши.

В связи с обновлением польского руководства многие ожидали от польского правительства в эмиграции новой, более конструктивной политики. Однако, если по некоторым вопросам польское руководство в эмиграции смогло продемонстрировать новый подход, то по национальной политике, в частности, по вопросу о пересмотре статуса этнических поляков в польском государстве, о возможности предоставления автономии национальным меньшинствам фактически придерживалось установок «санации».

Известный польский историк К. Керстен отмечает, что политические круги, входившие в состав польского эмигрантского правительства и подпольного государства (подпольные военные и политические органы, которые подчинялись непосредственно польскому эмигрантскому правительству, еще в ходе войны получили название «польское подпольное государство»), не имели разумной, реалистичной концепции отношений с украинцами, во многом объясняя такую ситуацию позицией польского руководства по восточной границе Польши. И действительно, политика польского правительства в изгнании по отношению к территории довоенной восточной Польши, которая вошла в осень 1939 г. в состав Украинской и Белорусской ССР, исходила из принципа неизменности довоенной восточной границы польского государства.

Польское руководство предполагало, таким образом, по сути воссоздать межвоенную Польшу с многочисленными меньшинствами, самым значительным из которых по-прежнему являлось украинское. Между тем, в годы Второй мировой войны украинцы на довоенных польских территориях смогли консолидироваться и добивались цели, противоположной устремлениям польского эмигрантского руководства, – создать независимое украинское государство.

Безусловно, предельному обострению польско-украинских отношений на территории Волыни и Восточной Галиции способствовала и политика как СССР, так и особенно фашистской Германии. Но вместе с тем непримиримая позиция украинцев была обусловлена и политикой польских властей, в том числе и подпольных.

В настоящее время доступны данные о том, что осенью 1943 г., т.е. уже после волыньских событий лета того года (планомерного уничтожения солдатами УПА, по разным оценкам, от 30 до 60 тыс. поляков в данном районе), наметились перспективы польско-украинского соглашения. Используя документы польского эмигрантского правительства, хранящиеся в Польском институте (Лондон), К. Керстен приводит информацию о том, что украинские националистические круги в районе Львова в целом выразили согласие с принципами двустороннего соглашения, предложенного командованием Армии Крайовой в этом регионе. Один из этих принципов предполагал, что юго-восточные территории довоенной Польши являются неотъемлемой частью польского государства и, следовательно, Польша имеет право и обязанность защищать эти территории на международном форуме. Однако украинцы отказались выразить эту позицию в официальной декларации, на которой настаивала польская сторона.

Польские власти не смогли использовать эту возможность сближения позиций с украинскими националистами прежде всего потому, что они не были готовы к компромиссу, не осознали настоящей необходимости перемен в национальной политике польского государства. В ходе войны практически не изменилось их убеждение о том, что поляки являются наиболее развитой нацией в стране и потому должны занимать лидирующие позиции. Это находило отражение и в официальной пропаганде лондонского руководства. Так, например, в одном из выпусков за 1944 г. пропагандистского издания Министерства информации польского эмигрантского правительства «The Polish Fortnightly Review» доказывалось, что украинцы в Польше – это «нация с западной культурой и кругозором», в отличие от их собратьев, проживающих за восточной границей.

Польское эмигрантское правительство, а также подчиненное ему подпольное государство выработали совсем немного программных документов по национальной политике (например, прокламация подпольного Политического представительства страны (КРР), июль 1943 г.; декларация «За что борется польский народ», выработанная Советом национального единства в Лондоне, март 1944); эти документы не содержали принципиально новых положений – речь шла о предоставлении равенства прав.

Польский историк А. Фришке справедливо утверждает, что у польского руководства в эмиграции был шанс добиться согласия украинцев на мирное сосуществование в одном государстве при условии предоставления им автономии. На наш взгляд, это подкрепило бы требования польского эмигрантского правительства о неизменности довоенной восточной границы Польши. Хотя вопрос о значимости конструктивной национальной политики польского лондонского руководства для его прихода к власти в послевоенной Польше и не является предметом данного исследования, хотелось бы отметить, что, по нашему мнению, изменение национальной политики в указанном направлении вряд ли бы значительно увеличило шансы польских эмигрантских правящих кругов на успех, скорее это ослабило бы аргументацию советского правительства и способствовало позитивному имиджу лондонских поляков в глазах союзников и общественности союзных государств.

Подводя итог, нужно отметить, что предлагаемая польским эмигрантским правительством модель самовосприятия поляков, одного из важнейших аспектов польской национальной идентичности, которая нашла яркое отражение в национальной политике, не соответствовала требованиям момента. Уже в годы войны она оказалась неплотворной.

Литература

1. Жуковский И.И. Трансформация партийной системы Польши в свете вступления страны в ЕС // *Международник*. 2004. № 10, см. также: <http://www.mezhdunarodnik.ru>.
2. Милакова Л.Б. Польша на пути к моноэтническому государству (1918-1947 гг.) // *Международный исторический журнал*. 2001. № 13, см. также: <http://www.history.machaon.ru>.
3. Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944-1948. М., 2004.
4. Kersten K. Polska – państwo narodowe. Dylematy i rzeczywistość // *Narody. Jak powstawały i jak wybijały się na niepodległość*. Warszawa, 1989.
5. Idem. The Polish-Ukrainian Conflict under Communist Rule // *Acta Poloniae Historica*. 1996. No. 73. P. 135-151.

6. Kisielowska-Lipman M. National, European or Regional? Polish Identity in Discourse // Resources of the Centre for Russian and East European Studies, The University of Birmingham // www.crees.bham.ac.uk/research/polishidentity.pdf.
7. Polish Fortnightly Review. L., 1944, 1 January.

К.А. Вилков

К вопросу о преодолении кризиса идентичности в российском обществе

В разные времена граждане различных по политическому, экономическому, географическому и т.д. положению стран сталкивались с кризисом национальной самоидентификации. Этот кризис возникал, как правило, в период жестких трансформаций того или иного государства, совпавших с серьезными изменениями, происходящими в глобальном масштабе. Для российского населения таким источником кризиса стал распад Советского Союза, во многом обусловленный теми изменениями, которые несли в себе два взаимосвязанных процесса: глобализация и переход к информационному (постиндустриальному) обществу.

С точки зрения исследователей формирования информационного общества, Советский Союз представлял собой индустриальное государство, которое не смогло в силу своих внутренних причин запустить процесс перехода к информационному обществу. Произошло это, прежде всего, в результате доминирования индустриальных принципов устройства экономики и страны в целом, в частности, централизации и концентрации не только производства, но и властных структур; преобладания количественных характеристик как показателей успеха (принцип максимизации) и т.д.

Устройство большинства ведущих западных промышленных держав оказалось более гибким и сумело приспособиться к вызовам новой эпохи, активизировав, в том числе и с помощью государства, формирование новой экономики, базирующейся в первую очередь на информационных и телекоммуникационных отраслях, а также тем, что принято называть сферой «высоких технологий». Россия до сих пор не смогла преодолеть этот барьер: по-прежнему в микроэлектронике, компьютерном секторе, секторе связи в России доминируют техника и технологии зарубежного производства.

Кроме того, на распад Советского Союза и формирующуюся новую национальную идентичность существенное влияние оказал и оказывает идущий в настоящее время процесс глобализации, который также тесно связан с информационной революцией: взрывным характером развития информационных и телекоммуникационных технологий.

Необходимо отметить, что основной особенностью идентичности на современном этапе развития общества является не столько самоидентификация себя по тем или иным координатам (ответ на вопрос «Где я нахожусь»), сколько вопрос вектора движения, т.е. «Где я, и куда я иду?». Таким образом, каждый человек, ищет то направление движения, которое ему наиболее близко, рассматривая принадлежность к тому или иному государству, этносу, религиозному течению как поиск сопричастности к тому или иному вектору движения, методу реализации того или иного «проекта».

Следует отметить, что элиты западных стран реализуют проекты, к которым граждане этих стран могут выработать свое отношение и идентифицировать себя с ними. Для США это «демократизация мира», для стран Европейского сообщества – интеграция и формирование единой Европы и т.д. Каждый гражданин этих стран может активно или пассивно действовать в рамках этих проектов, в зависимости от отношения к ним (положительного или отрицательного), противодействовать или поддерживать их реализацию. Политической элитой этих стран задан вектор движения, которые позволяет гражданам идентифицировать себя со своей страной.

В России крах «советского проекта», нацеленного на торжество коммунистической идеи в мировом масштабе, породил проблему самоидентификации для граждан РФ. Разумеется, существует множество «мини-проектов», в которых они могут принять участие, это и продолжение, по инерции, «советского», а также «либеральный», «православный» проекты и ряд других. Однако общенационального проекта, позволяющего четко ответить на вопрос о направлении движения России в целом, по-прежнему, за все время, прошедшее после распада СССР, не возникло. Такой проект может возникнуть только в результате консенсуса большей части политической элиты страны.

Отсутствие подобного проекта весьма опасно, поскольку нет недостатков в предложениях альтернативных глобальных проектов, угрожающих целостности РФ. Можно привести, по крайней мере, два. Первый, транснациональный проект – создание единого исламского государства, т.н. «новый халифат», инициируемый радикальным исламским фундаментализмом. При значительном исламском населении в России и проблем Северного Кавказа реализация этого проекта оборачивается реальной угрозой ее распада. Второй – это проект, предлагаемый радикальной частью мирового Интернет-сообщества, наиболее полно выраженный в «Декларации независимости киберпространства» Д.П. Барлоу, предлагающей создать в киберпространстве новую цивилизацию.

лизацию и предусматривающей свободу от контроля над ней старых институтов государства и общества.

Оба этих проекта, хотя и рассчитаны на разные слои российского населения и реализуются, по терминологии Э. Тоффлера, участниками разных волн: фундаменталисты принадлежат к Первой, аграрной (или, иначе говоря, аграрной цивилизации, предшествующей индустриальной), но могут использовать современные технологии, а «жители киберпространства» относятся скорее к Третьей, информационной, однако они оба несут реальную угрозу РФ, в том числе и потому, что управляющая элита России, в основном, по-прежнему мыслит в терминах индустриального общества.

Так, в Доктрине информационной безопасности, где рассмотрены проблемы и угрозы, связанные с обеспечением информационной безопасности в духовной сфере, духовная сфера включает в себя вопросы, связанные с языком (языками) РФ, культурой, культурным наследием, традициями и нормами общественной жизни. Эти вопросы весьма важны для формирования новой идентичности или, скорее, «протоидентичности», которая могла бы впоследствии стать основой для общенационального «проекта». Однако, Доктрина рассматривает существующие проблемы в этой области вне динамики их развития. Возьмем, например проблему, обозначенную в Доктрине как девальвация духовных ценностей, пропаганда образцов массовой культуры, основанных на культе насилия, на духовных и нравственных ценностях, противоречащих ценностям, принятым в российском обществе. По тексту Доктрины не ясно, что именно можно считать «духовными и нравственными ценностями, принятыми в российском обществе». Во-первых, в связи с наличием разных этнических и религиозных групп, каждая из которых имеет собственные ценности, существует определенная их противоречивость внутри страны. Кроме того, в связи с процессом глобализации возникает, например, проблема конфликта с традиционными китайскими ценностями, в частности, семейными: принцип главенства в семье самого старшего. Означает ли это, что данная традиционная ценность китайского общества входит в конфликт с ценностями традиционной российской семьи, разделяющей европейский подход к семейным нормам, ярко выраженный метафорой «Все лучшее – детям»? И представляет ли подобный конфликт собой угрозу?

Более правильным было бы рассматривать вопрос о ценностях в их развитии, поскольку процесс формирования общероссийских ценностей еще только идет, и на него оказывают свое влияние (с учетом глобализации и специфического географического положения между Востоком и Западом) ценности стран всего мира. Говорить о сформиро-

вавшихся ценностях можно было бы после формирования общенационального проекта, определяющего цель развития нашей страны, поскольку только исходя из цели можно говорить, какие ценности способствуют, а какие – противоречат ее достижению.

Таким образом, преодоление кризиса российской идентичности требует от властной элиты следующего.

1. Предложения российскому обществу общенационального проекта, определяющего вектор движения государства и общества в целом, на базе консенсуса.

2. Учета в рамках данного проекта процессов глобализации и перехода к информационному обществу (проект не должен противоречить направлению развития этих процессов, а вот использовать их – может и должен).

3. Формирования общенациональной стратегии достижения целей, указанных в проекте, и деятельное начало реализации этой стратегии.

Литература

1. Барлоу Д.П. Декларация независимости киберпространства // <http://homes.eff.org/~barlow/Declaration-Final>.
2. Мау В. Перестройка сквозь призму двух десятилетий // <http://www.polit.ru/research/2005/04/21/mau.html>.
3. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М., 2004.
4. Он же. Третья волна. М., 2002.
5. Федотова Н.Н. Кризис идентичности в условиях глобализации // Человечество. 2003. № 6 // <http://courier.com.ru/homo/ho0603fedotova.htm>.
6. Report of the National Intelligence Council's 2020 Project. New Challenges to Governance. Fictional Scenario: A New Caliphate // http://www.odci.gov/nic/NIC_globaltrend2020_s3.html.

Н.М. Галимуллина

Смена направления советской пропаганды в годы Великой Отечественной войны

Военные конфликты помогают выяснить, насколько прочно государство стоит на ногах, его обороноспособность, влияние, не только за счет материальных ресурсов, но и за счет проявления патриотизма в защите Родины. Патриотические порывы связаны, в первую очередь, с самоидентификацией народа, отдельных этносов, личностей как части данного государства и их стремлением свою страну защищать. В то же время нельзя не отметить, что с помощью технологий пропаганды и связей с общественностью можно управлять этим процессом.

Рассмотрим ситуацию, сложившуюся в СССР в предвоенные годы. Одновременно с формированием в сознании граждан идеологии и об-

раза «первого в мире оплота социализма», по мере нарастания угрозы извне пропагандистский аппарат Страны Советов смещает основной упор информационно-идеологического влияния на традиционные ценности, на воссоздание национальной идентичности. В этих целях были задействованы различные методы: СМИ, кино, специальные мероприятия. Со второй половины 30-х гг. на первый план в идеологической работе выступают идеи государственно-политического характера. Вместо прежней «Песни о Коминтерне», бывшей одной из самых популярных в начале 30-х гг., страна запела «Песню о Родине». Исторические ленты занимали видное место в пропаганде советского государства. Причем, главные герои эпохальных исторических кинолент 30–40-х гг. сродни святым, что, впрочем, диктовалось идеологическими рамками.

Среди исторических фильмов того периода хотелось бы отметить работы режиссера В. Пудовкина «Минин и Пожарский» 1938 г., «Суворов» 1940 г., картину «Александр Невский». Они носили мобилизационный, объединяющий против внешней угрозы характер и были весьма популярны. Не случайно С. Эйзенштейн озаглавил статью о фильме «Александр Невский» – «Патриотизм – наша тема», а фразы, прозвучавшие из уст героев, – «С родной земли – умри, но не сходи», «Кто с мечом к нам придет – от меча и погибнет» часто цитировались в годы Великой Отечественной войны.

Так, журнал «Пропагандист Красной Армии» в своем первом военном номере дал исторические справки о борьбе русского народа против немецких захватчиков в Ледовом побоище, Грюнвальдской битве, Семилетней войне, поражении немецких оккупантов под Псковом и их изгнании с Украины и Белоруссии в 1918 г. Русский народ жестоко бил немецких захватчиков в прошлом, – сделал главный вывод журнал: такая же участь постигнет их и теперь. В рекомендациях Управления пропаганды и агитации центрального комитета ВКП (б), опубликованных в июле 1941 г., важное место отводилось докладам, лекциям и беседам о героическом прошлом страны, подвигах на фронте и в тылу, единстве народов СССР в борьбе с иноземными захватчиками. Осенью того же года Главное Политуправление Красной Армии опубликовало программу политзанятий с бойцами и младшими командирами, которая также предусматривала изучение исторического прошлого. В 1942–1944 гг. вопросам истории, традиций и моральных качеств народа, разоблачению фашизма в журнале было посвящено 75 документов из 86, 46 передовых и редакционных статей, 138 из 175 авторских публикаций.

Одной из особенностей пропагандистской работы в Советском Союзе как в предвоенные, военные годы, так и позже являлась необходимость учета многонационального характера страны. К началу Великой Отечественной войны в состав СССР входили 16 союзных и 20 автономных республик, 9 автономных областей и 10 национальных округов с населением 196,7 млн. чел. Из них свыше 20 млн. стали гражданами СССР только в 1939–1940 гг., когда в Европе уже шла Вторая мировая война, а до нападения Германии на Советский Союз оставались считанные месяцы. Осенью 1939 г. с Белорусской ССР воссоединилась Западная Белоруссия с населением 4,5 млн. чел., а с Украинской ССР – Западная Украина (свыше 7,5 млн. чел.). Летом следующего года в состав СССР вошли Бессарабия (3,2 млн.), Северная Буковина (свыше 0,5 млн.), Литва (2,88 млн.), Латвия (1,95 млн.), Эстония (1,12 млн. чел.).

Население было неоднородным по этническому составу, но только добрососедские, «братские» отношения позволяли развиваться государству и помогли добиться Победы в войне. Показательным в этом контексте является упоминание различных этносов, проживающих на территории СССР, в первом после начала Великой Отечественной войны обращении И.В. Сталина к народу. Так, говоря, о целях врага, он указал: «Он ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза, их онемечение, их превращение в рабов немецких князей и баронов». Тем самым в радиобрешении противопоставляется положение различных национальностей в СССР и их перспективы в случае прихода к власти в нашей стране немецких захватчиков. На наш взгляд, тем самым глава государства постарался, с одной стороны, подчеркнуть преимущества советского государства, построенного на братстве народов, с другой – предотвратить успех немецкой пропаганды, делающей ставку на расщепление розни между народами.

Формированию патриотизма, основанного на самоидентификации себя как части государства, способствовали и действия религиозных организаций. Пламенные призывы, обращения и проповеди иерархов православной церкви, духовенства и мирян, представителей ислама, буддизма, других религий, сбор ими денежных средств и упорная работа в тылу способствовали достижению единой для всех советских людей цели – разгрому оккупантов.

Фашистские пропагандисты не прошли мимо кардинального поворота в советской пропаганде периода войны. В «Секретной информации для местных партийных руководителей за 1942–1944 гг.» отмечалось: «Сталин мобилизовал в момент наибольшей для себя опасности (Москва, Сталинград) те духовные резервы, которые он до этого осуждал как реакционные и направленные против большевистской революции: любовь к родине, традиция (форма, ордена, звания, «матушка-Россия», дух народности, церковь), поощряя тем самым наивность, тщеславие, гордость и дух сопротивления. Этим изменением политической и идеологической линии и лозунгом «Изгоните немецких оккупантов с родной земли и спасите Отечество!» Сталин добился успеха».

В очерках подчеркивались огромные возможности советского общественного строя, сила и техническая оснащенность Красной Армии, успехи советских воинов, их умение вносить в месь «смекалку, даже хозяйственность». А.В. Фатеев подчеркивает: «Летчик Покрышкин, уничтожавший фашистских асов, танкист Чесноков, совершивший трехдневный рейд по тылам противника, комсомолец-партизан Куриленко, погибший в неравном бою, – все они должны были стать образцами для советских людей, особенно молодежи. Акцент делался на всеокрушающую силу воли и ненависти советских героев: они могли отодвинуть смерть для выполнения долга, убивать врагов кулаками после того, как о них была разбита винтовка, стоять у станка две смены шупленькому мальчишке». Советская пропаганда рисовала облик советских воинов: простые и скромные люди, очень незлобивые в мирное время, настоящие друзья.

Отношения между союзниками в творчестве публицистов представляли не идиллическими, но дружественными. В очерке К. Симонова «Американцы» янки изображались веселыми парнями, любителями сувениров и настоящими воинами, очень похожими на русских. В целом советская пропаганда формировала положительный образ США, Великобритании, сил Сопротивления во Франции во главе с де Голлем.

В противовес этому термин «немец» стал синонимом «нелюдя», человека-оборотня, порожденного темными силами капитализма, нечеловеческим экономическим политическим строем и идеологией фашистской Германии. Пропагандисты задействовали архаические, языческие пласты сознания советских людей. Фашисты изображались бездушными автоматами, методичными убийцами, эксплуататорами, насильниками, варварами. Главари рейха представлялись профессиональными неудачниками в мирной жизни, половыми извращенцами, убийцами и эксплуататорами, современными рабовладельцами. Так же жестко разоблачали и союзников Германии: «В Донбассе итальянцы

сдаются в плен – им не нужны листовки, их сводит с ума запах наших походных кухонь. Голодные финны начинают понимать, что их надули. Ропщут венгры. Злобно почесываются вшивые румыны. Ворчат словаки. В лакейской пахнет скандалом».

Итак, можно утверждать, что в предвоенные и военные годы в пропаганде особо актуальными стали ценности этнического, национально-исторического, а не политического плана. Только единение на основе религии, самоидентификации как части государства, части России – страны с богатым историческим наследием, прошлым дало силу советскому народу добыть в боях своей Родине право на будущее.

Литература

1. Кирсанов Н.А., Дробязко С.И. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: национальные и добровольческие формирования по разные стороны фронта // Отечественная история. 2001. N 6.
2. Комков Г.Д. На идеологическом фронте Великой Отечественной войны (1941–1945). М., 1983.
3. От советского информбюро... Публицистика и очерки военных лет. 1941-1945. В 2-х т. М., 1982.
4. Радиообращение И.В. Сталина к народу. Москва, 3 июля 1941 года // http://militera.lib.ru/docs/ww2/leaders/speeches/stalin_1941-07-03.html.
5. Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде, 1945–1954. М., 1999.
6. Эренбург И. Война. Июнь 1941 – апрель 1942 г. М., 1942.

А.Е. Глушков, Л.В. Моница

Проблема национальной идентичности, самоопределения и государственного суверенитета в истории международных отношений от Вестфальского мира до Версаля

Проблема национальной идентичности уже давно вышла за пределы истории отдельных этносов и через такие категории, как «национальное самоопределение», «национальное государство», «государственный суверенитет» стала проблемой международных отношений. На протяжении почти четырех столетий крупнейшие страны мира, военные коалиции, международные организации втягивались в решение этих сложнейших проблем. На рубеже XX–XXI вв. в результате распада многонациональных государств проблемы национального самоопределения и государственного суверенитета вновь заняли одно из центральных мест в мировой политике, нашли отражение в международно-правовых документах. В настоящем докладе, подготовленном совместно с доцентом Л.В. Мониной, хотел бы сделать небольшой экскурс в историю проблемы. Речь пойдет о Европе, где процесс склады-

вания национальной идентичности, наций, образования национальных государств опережал другие континенты.

Впервые проблема национальной идентичности в историю международных отношений вошла под знаком идеи государственного суверенитета после окончания Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.). Победа стран тогдашней европейской периферии (Дании, Франции, Швеции, поддержанных Англией, Голландией и Россией) разрушила средневековую концепцию универсальности миропорядка, утверждавшей господство в Европе императора Священной Римской империи. Вестфальский мирный договор (1648 г.) зафиксировал новый баланс военно-политических сил, ставший основой одноименной многополярной системы международных отношений. В договоре были юридически оформлены такие правовые принципы, которые не только стали основополагающими для Вестфальского миропорядка, но и сохраняют силу в современном международном праве. Это были выдвинутые известными в раннее новое время голландским юристом Г. Гроцием, французскими политиками Сюлли, кардиналом Ришелье и др. положения о государстве, как высшей ценности, о государственном суверенитете, о государственном интересе и государственных границах. Вестфальский мир закрепил положение о том, что источником международного права является договор.

По Вестфальскому миру три сотни малых германских княжеств исключались из состава Священной Римской империи. Они получили статус суверенных государств и могли самостоятельно определять как свой общественно-политический строй, так и направление своей внешней политики: заключать договоры с иностранными государствами, решать вопросы войны и мира. Провозглашение новых суверенных государств, с одной стороны, способствовало осознанию их населением своей экономической, культурной идентичности в рамках международно-признанных границ. С другой стороны, сохранение политической раздробленности Германии сдерживало понимание населением своей принадлежности к единому этносу, возможность принадлежности к гомогенному национальному государству. Политическая раздробленность сохранялась и в Италии со всеми вытекающими из этого отрицательными последствиями для становления единого итальянского государства.

Вестфальский миропорядок признал существование в Европе крупных суверенных государств, находившихся прежде в разряде европейской политической периферии. Ускорился процесс национальной идентификации в странах Западной Европы, началось складывание крупных государств-наций, включавших в себя этническую, геополитическую

тическую и социокультурную общности людей. Первыми вступили на этот путь Франция и Швеция, которые были признаны гарантами Вестфальского мирного договора.

Вместе с тем, Вестфальский договор признал в качестве основополагающего принцип национального интереса, который утверждал право отдельных государств на установление «естественных границ» под знаком «обеспечения безопасности». Тем самым, для крупных европейских государств открывалась возможность не учитывать ими же провозглашенное право на государственный суверенитет более мелких европейских этносов. Вестфальский договор перекроил границы государств в интересах победителей. Последовавшие за Вестфальским миром войны и новое перекраивание государственных границ, колонизация захваченных земель и миграция населения сдерживали процессы национальной идентификации в европейских странах. В последней трети XVIII в. в результате разделов Польши между Австрией, Пруссией и Россией был остановлен процесс консолидации польской нации.

Новый этап в развитии национальной идентичности связан с Французской революцией и наполеоновскими войнами, которые разрушили Вестфальский миропорядок. На Венском конгрессе 1814–1815 гг. победители наполеоновской Франции (Австрия, Англия, Россия, Пруссия) при решении европейских проблем еще игнорировали принцип национальностей, отдавая предпочтение принципу легитимизма. Но остановить процесс развития национальной идентичности они уже не могли. Священная Римская империя прекратила в 1806 г. даже формальное существование. «Дух 1793 г.»: свобода, права человека, принцип национальности, национального языка, национальной культуры и образования, право каждого человека осознавать себя принадлежащим к тому или иному этнически гомогенному государству, становились достоянием Европы. К середине XIX в. во многих европейских странах завершился процесс становления национального самосознания и национальной идентичности. Сложились национальные государства, теоретическое обоснование возникновения которых нашло в принципе «одна нация – одно государство».

Вопрос о национальной идентичности и создании национального государства к середине XIX в. стал «особым наваждением» немцев. Во-первых, немецкие государства-карлики были легкой добычей могущественных соседей и источником напряженности и войн на континенте. Во-вторых, создание единого немецкого государства в центре Европы представляло угрозу сложившемуся равновесию сил на континенте, и было не в интересах европейских политических грандов. В-третьих, сами немцы еще не чувствовали себя единым общественно-

политическим организмом. Созданный Венским конгрессом Германский союз и последующее образование таможенных группировок южногерманских и среднегерманских государств только подчеркивали раздробленность Германии. В-четвертых, претендентами на роль объединителей Германии были Пруссия и немецкая Австрия.

Процесс создания объединенного немецкого национального государства проходил чрезвычайно болезненным путём. За единство страны немцы воевали не только с иностранными государствами, но и между собой. Победителем в этой войне стала Пруссия, которая объединила Германию путём «железа и крови». Она заняла центральное место в Германской империи, в которую вошли все немецкие государства, за исключением Австрии. Объединившись, немцы оказались во власти политического и идеологического высокомерия, преследуя планы мирового господства.

Некоторые европейские этносы, пройдя процессы «национального пробуждения» и национальной идентичности, сложились в самостоятельные нации в условиях иностранного господства. Так, становление и развитие национального самосознания чехов и словаков, балканских славян проходило в условиях австрийского и турецкого господства. Часть из них (сербы, болгары) вели вооруженную освободительную борьбу за создание национального государства. При прямой поддержке России на Берлинском конгрессе 1878 г. великие державы были вынуждены признать государственную независимость Сербии и Черногории от Турции и государственную автономию Болгарии. Суверенным государством была признана и Румыния.

Другие славянские народы во второй половине XIX в. искали возможность создания собственной государственности в рамках многонациональной Австро-Венгерской империи. Объективный процесс интеграции экономики, огромный внутренний рынок, культурные традиции Австро-Венгрии создавали возможности для развития и национальных регионов. Идея свободного самоопределения и отделения наций стала вытесняться идеей «свободной автономии» и «национально-культурной автономии». Образы некогда существовавших самостоятельных государств, сохранявшиеся в исторической памяти народов, постепенно растворялись и вписывались в рамки многонациональной империи. Славянские национальные политические структуры интегрировались в общественные и государственные структуры Австро-Венгрии. Предложенная славянскими политиками и деятелями культуры программа переустройства империи получила название австрославизма. Она предусматривала предоставление славянским народам автономии в рамках империи.

Первая мировая война поставила в новую плоскость решение национального вопроса. Военно-политические интересы Антанты, слабость и поражение империй оживили надежды славянских народов на создание независимых государств. Однако отсутствие единых национальных центров и единой идеологии государственного строительства ослабляли национальное движение. Не имели единого координирующего центра даже славянские национальные движения Австро-Венгрии. Созданный в 1916 г. в Париже Чехословацкий национальный совет под флагом идеологии «чехословакизма» выступал за создание независимого единого чехословацкого государства при опоре на Антанту. Чехи и словаки сложились в близкие, но самостоятельные нации со своей культурой, языком, традициями, обычаями. Но страх перед внешними врагами толкал их на создание единого государства.

Разделение хорватов, словенцев в рамках империи между Австрией и Венгрией обусловило их разные подходы к решению национального вопроса. Хорваты, входившие в состав венгерской короны, предпочитали распространить принцип дуализма и на Венгрию. Высказывалась идея объединения всех югославянских территорий Австро-Венгерской империи и преобразования её на основе принципа «триализма». С 1915 г. популярной становится доктрина «югославизма», которая предусматривала объединение югославянских народов империи с Сербией на основе автономии в едином государстве. Югославянские политики считали, что такое государство будет более жизнеспособным.

Поражение Австро-Венгрии в Первой мировой войне и начавшаяся в октябре 1918 г. демократическая революция в Австро-Венгрии свергла монархию. Открылись возможности для реализации проектов создания государств-наций на базе культурно-языковой однородности. 21 октября австрийский рейхсрат объявил о создании независимой Австрийской республики. Венгерский национальный совет провозгласил 25 октября независимость Венгрии. Двуетная империя перестала существовать. Начался процесс «суверенизации» славянских земель. В конце октября 1918 г. состоялось самопровозглашение чехословацкого государства. 1 декабря на Балканах было создано единое югославянское государство – Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС). В его состав вошли Сербия, Хорватия, Словения, Черногория, Босния и Герцеговина, Македония. Многонациональная империя Габсбургов окончательно исчезла с политической карты Европы.

Сложнее проходило создание польского государства. Поляки оказались в составе противоборствующих коалиций, и каждая из них стремилась использовать их в собственных военных целях. Германия в

ноябре 1916 г. провозгласила «независимое» польское государство на оккупированных польских территориях России. После Февральской революции в России Временное правительство признало право поляков на национальное самоопределение. Затем его признало и правительство большевиков. В ноябре 1918 г. была воссоздана независимая Польша.

Правительства Франции, Великобритании, США до начала мировой войны не вмешивались в национальные проблемы Австро-Венгрии и России. Империя Габсбургов рассматривалась ими как стабилизирующий фактор на Балканах и в Дунайском бассейне. Австро-Венгрия препятствовала проникновению в регион Германии, Италии и России, а также долгое время сдерживала разрушительные национальные конфликты и не давала им выплеснуться на европейское пространство. Царская Россия была союзницей Антанты, которая предпочитала не вмешиваться и в национальные проблемы русской монархии. Только под давлением военных факторов и перемен в России Париж, Лондон и Вашингтон в 1918 г. приняли идею самоопределения наций. После окончания Первой мировой войны новые государства Восточной Европы получили дипломатическое признание.

Принцип национального самоопределения оказался привлекательным и для других народов и государств Балканско-Дунайского региона. С проектом объединения «исторических» территорий и создания «Великой Румынии» выступило румынское правительство. Речь, прежде всего, шла о Трансильвании, входившей в состав Венгрии, но в которой преобладало румынское население.

Сложнее оказалось определить легитимность границ восточноевропейских государств. Лидеры официальных делегаций: Крамарж и Бенеш (Чехословакия), Братиану и Мизу (Румыния), Пашич и Трумбич (Сербия), Падеревский и Дмовский (Польша) на Парижской мирной конференции требовали расширения территорий своих государств. Они находили такие аргументы, которые нередко ставили в тупик Вильсона, Ллойд Джорджа и Клемансо. Все запутались в исторических, этнических, государственных границах. По мере возникновения территориальных проблем возникли комитеты по пограничным проблемам Чехословакии, Польши, Румынии, КСХС и других государств. Рекомендации комитетов не согласовывались и нередко по одним и тем же спорным территориям носили противоречивый характер. Для рассмотрения споров уже между комитетами и устранения противоречивых рекомендаций был создан координационный территориальный комитет, который возглавил член французской делегации Тардьё. Как правило, отнимались территории у побежденных, и передавались на-

стоящим или потенциальным союзникам победителей. В итоге государственные границы перекраивались так, что вызывали всеобщее недовольство. Одни считали, что потеряли слишком много, другие – что слишком мало получили. Победители принудили Германию, Австрию, Венгрию и Болгарию заранее признать любые возможные потери территорий, даже не указанных в тексте мирных договоров.

В результате Германия потеряла 13,5% территории страны, где проживало 7,3 млн. чел. Состав населения страны стал более однородным, но более 3,5 млн. немцев оказалось за пределами страны. Значительных территорий лишилась Австрия. Это было этнически почти однородное немецкое государство с населением 6,4 млн. чел., из них славяне составляли всего около 3%. Победители запретили объединение Австрии и Германии в единое немецкое государство по военнополитическим соображениям, нарушив, однако принцип самоопределения народов. Венгрия лишилась 67% территории и 60% населения. За её границами оказалось почти 3 млн. этнических венгров. Союзникам, таким образом, не удалось при определении послевоенных границ побежденных государств согласовать их с принципом национального самоопределения.

Манипулирование союзниками принципами самоопределения, историческими и этническими территориями закончилось тем, что вместо двух многонациональных империй на политической карте Европы появились новые многонациональные государства. Однако они отказались от федеративного устройства и не имели в своем составе даже национальных автономий. Это были унитарные государства. Численность населения Чехословакии достигла более 13 млн. чел. Титульные народы: чехи словаки составляли соответственно 7 и 2 млн. чел., около 70%. Остальные народы: немцы – 3 млн., венгры – 750 тыс., украинцы 500 тыс. поляки – 100 тыс. были отнесены к национальным меньшинствам. Официальным государственным языком стал чехословацкий.

Многонациональным унитарным государством было и Королевство сербов, хорватов и словенцев. Из 12 млн. чел. населения сербов было 4,7 млн., хорватов – 3 млн., словенцев – 1 млн., черногорцев – 250 тыс., лиц других национальностей – более 3 млн. Административное деление страны не учитывало национальное расселение народов. Включение в состав Румынии её «исторических территорий» – Трансильвании, Южной Добруджи и других завершило процесс формирования многонациональной «Великой Румынии». Территория страны увеличилась с 138 тыс. до 295 тыс. кв. км. Её население выросло с 8 млн. до 16 млн. чел., из которых более 25% составляли национальные меньшинства: венгры, украинцы, немцы.

Претензии Польши на старые «исторические земли», вызывали раздражение победителей. Союзники пошли на компромисс при определении западной польской границы, взяв за основу историко-этнографический принцип. Польше были возвращены те западные территории (Познань, часть восточного Поморья, часть Верхней Силезии и др.), в которых преобладало польское население. Но тогда же союзники отрезали Восточную Пруссию от остальной Германии «польским коридором», который обеспечивал Польше выход к Балтийскому морю. Восточную границу Польши союзники предложили провести с учетом этнического состава населения по так называемой «линии Керзона». При этом Западная Украина и Западная Белоруссия передавались в состав советской России, но они позже были потеряны большевиками в результате неудачной попытки «советизировать» Польшу в 1920 г. В итоге Польша сложилась как многонациональное государство. Из 27 млн. чел. поляки составляли 69%, украинцы – 14,3%, евреи – 7%, белорусы – 5,9%, немцы – 4,7%. Однако национальные меньшинства в Польше не получили права на автономию.

Трудный путь национального самоопределения прошли прибалтийские народы и финны, долгое время находившиеся в составе России. Царизм всегда считал Россию «единой и неделимой», и ни один этнос не имел права на самоопределение. Февральская революция внесла определенные коррективы в национальную политику России. Временное правительство признало право народов Прибалтики и Финляндии на самоопределение. Юридическое решение этого вопроса откладывалось до созыва Учредительного собрания. Советское правительство формально провозгласило равенство больших и малых наций, право народов на национальное самоопределение вплоть до отделения и образования независимых государств. Однако национальное государство рассматривалось большевиками как временное явление. Они считали, что с падением капитализма исчезнут нации как его продукт, исчезнет основа национального государства, национальные границы. Начнется процесс «советизации» наций и слияния народов в единое мировое социалистическое государство – Союз Советских Социалистических Республик. В ходе развернувшейся гражданской войны большевики сумели «советизировать» только Украину и Белоруссию, в начале 20-х гг. советизировали Азербайджан, Армению и Грузию. Финляндия, Литва Латвия, Эстония сложились как независимые национальные государства. Они были включены в европейскую систему международных отношений, границы получили международно-правовое признание.

Таким образом, процессы развития национальной идентичности и становления независимых национальных государств оказались тесно взаимосвязанными. Было признано право народов на национальное

самоопределение. В первой четверти XX в. в Европе возникли новые государства. Но принцип самоопределения по политическим, военным, экономическим, идеологическим соображениям был применен не ко всем этносам, прошедшим путь национальной идентичности и сложившихся в нации. Отклонение от принципа самоопределения стало в 20–30-е гг. XX в. причиной серьезных внутренних межнациональных и политических конфликтов. Более того, они послужили поводом не только для острых международных конфликтов, но и для начала Второй мировой войны. Принцип национальности вступает в противоречие с принципом территориальной целостности государства. Это сохраняет почву для межнациональных конфликтов и является источником напряженной ситуаций и в современной Европе. Избегать межнациональных конфликтов возможно только на основе политической демократии и федерализма.

Н.В. Греков

Восточная страховка европейской идентичности России

В эпоху Петра I Россия завоевала статус великой европейской державы. На Западе в XIX в. прагматический интерес к Российской империи традиционно сочетался с представлениями о том, что, несмотря на поверхностную европеизацию, она остается азиатской страной. Тем не менее, Россия занимала в Европе важное место. Уязвимое геополитическое положение предопределило неизбежность постоянной территориальной экспансии России, как в Европе, так и в Азии. Процесс расширения империи стал единственно надежным способом ее самозащиты. К середине XIX в. империя владела огромными пространствами на Востоке и активно участвовала в борьбе за гегемонию в Европе. Поражение в Крымской войне ослабило влияние России в Европе. Империя оказалась в изоляции, столкнувшись с антирусской коалицией европейских держав. В этих условиях особое значение приобрел азиатский театр внешней политики. Территориальное расширение России в Центральной Азии и на Дальнем Востоке должно было усилить ее позиции по отношению к Западу. Справедливо указал на это обстоятельство В. Цымбурский: «Россия великоимперской эпохи склонна предпринимать широкие акции на востоке, когда ей бывает заблокирован вход в Европу или области, непосредственно с Европой связанные, причем объектом восточной экспансии всегда оказываются регионы, судьба которых должна в данный момент задеть нервы Запада».

Правда, временами Петербург настолько увлекался «обходными маневрами», что у отдельных наблюдателей складывается мнение о преимущественно азиатском характере внешней политики России конца XIX

в. Канадский исследователь Д. Схиммельпенник ван дер Ойе в ряде работ проводит идею о значительном влиянии на внешнюю политику империи идей «азийцев», доказывавших родство России с Востоком.

Между тем в правящих кругах империи никогда не забывали о том, что Россия – часть Европы, хотя значительные ее территории расположены в Азии. Российская экспансия в Азии лишь усложняла проблему соотношения России и Европы. Более того, в среде генералитета и высшего чиновничества в конце XIX в. крепло недовольство усилением восточного вектора внешней политики. Азиатские окраины требовали значительных средств, что истощало европейский центр России, вело к замедлению темпов ее развития. И, что важнее всего, на восток отвлекались силы, необходимые для решения первоочередных задач России в Европе.

Начальник Главного штаба генерал Н.Н. Обручев сравнивал политическое тело России с кометой, где ядром является европейская часть страны, а все остальное – «страшный азиатский хвост». Генерал подчеркивал: «Самая ценная часть Русской империи – это Европейская Россия, коренное достояние русского народа. Кавказ, Средняя Азия, Сибирь – все это только его придатки, имеющие смысл лишь до тех пор, пока живо и цело собственное народное русское тело. Следовательно, нашей первой заботой должно быть – стоять твердо в Европе».

Приамурский генерал-губернатор Д.И. Суботич выражал сомнение по поводу целесообразности расширения сферы влияния России: «Действительно ли Маньчжурия входит в сферу естественного влияния России, тяготеет к ней?» И отвечал: «Великая держава отнюдь не может и не обязана навязывать сложную и трудную мировую политику всякой части своих владений».

Сторонники европейской ориентации постоянно указывали, что не следует забывать о подчиненности внешнеполитических акций на Востоке интересам внешней политики России как великой европейской державы. Продвижение России на Восток ведет лишь к бессмысленной растрате сил. Следует обеспечить только защиту восточных окраин империи с тем, чтобы сконцентрировать все силы на европейском направлении. Предел избыточной активности империи на Востоке был положен Японией, которая выступила опять же в роли агента Европы против России на Дальнем Востоке.

Острый кризис российской международной идентичности 90-х гг. XX в. разрешился как бы сам собой. Россия, утратив свои «колонии и протектораты» на западе, растеряв всех европейских союзников, оказалась в полном одиночестве. Было всегда ясно, что в цивилизационном плане Россия – это неотъемлемая часть Европы. Стало вполне

очевидно, что в обозримом будущем Россия не волеется в «новый Запад», а будет стремиться к внешнеполитической и стратегической самостоятельности, предпочитая видеть себя «автономным международным актором». От попыток поспешной интеграции в Запад Россия, по определению Д. Тренина, «перешла к политике, в центре которой находится идея самоусиления преимущественно посредством экономической модернизации». Но в то же время решение этой задачи невозможно без тесных всесторонних контактов с Западом (прежде всего – с Европой), как передовой частью мира. Трудно представить себе Россию, перестроенную по азиатской (например, китайской) модели. Возможно, в отдаленном будущем вопрос о европейской идентичности России утратит для нее какое-либо значение, но в настоящем оправданна ориентация на западноевропейский опыт.

Кроме того, Евросоюз, если будет претендовать на роль центра силы, неизбежно ускорит процесс сближения с Россией для создания противовеса США. К сожалению, следует признать, что объединенной Европе Россия необходима, прежде всего, как обладательница природных энергоресурсов. По мнению ряда экспертов, 50–60% доступных для экономического использования ресурсов планеты сосредоточены в Сибири и на Дальнем Востоке, которые представляют собой богатейшую провинцию России. Разумная, не хищническая эксплуатация этих ресурсов в рамках общей модернизации страны способна обеспечить возрождение России как одного из мировых лидеров. Но для этого России необходимо на десятилетия сосредоточить свои силы на хозяйственном освоении своих азиатских территорий.

Россия способна укрепить свои позиции в Европе, используя восточные пространства. Если в XIX в. необжитые азиатские владения империи служили только базой для дальнейшей экспансии и опосредованного давления на Запад, то сегодня, чтобы расширить сотрудничество с Европой и упрочить свое положение, Россия должна приступить к интенсивному экономическому освоению своих восточных пространств.

Литература

1. Золотарев В.А. Военная безопасность Отечества (историко-правовое исследование). М., 1998.
2. Суботич Д.И. Задачи России на Дальнем Востоке. Ревель, 1908.
3. Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Азиатский соблазн России // Космополис. 2002/2003. N 2.
4. Тренин Д. Идентичность и интеграция: Россия и Запад в XXI веке // Pro et Contra. 2004. Т. 8. N 3.
5. Цымбурский В.Л. Остров Россия. Перспективы российской геополитики // Полис. 1993. N 5.

И.А. Еремин
**Роль Русской православной церкви в формировании
национальной идентичности русского народа
в условиях глобализации**

Многие десятилетия политики государственного атеизма в советский период чрезвычайно ослабили и обескровили Русскую православную церковь, которая на протяжении нескольких столетий являлась важнейшим инструментом духовного воспитания православных верующих, составлявших большинство населения страны. Православие до революции было не только государственной религией, но и органической и неразрывной частью русской культуры.

Коммунистические власти СССР вели беспощадную войну против Русской православной церкви не только под флагом воинствующего атеизма, но и так называемого пролетарского интернационализма. В рамках курса на создание новой исторической общности людей коммунистические идеологи стремились с корнем вырвать из сознания, прежде всего русских людей, духовные основы их национальной идентичности.

Падение интернационалистско-атеистической идеологии в начале 90-х гг. XX в. открыло возможность для возрождения религиозной жизни в стране, возвращения к своим традиционным культурным истокам для всех народов, населяющих Россию. Прошедшее с тех пор время показало, что на смену прежним проблемам в духовной жизни общества пришли новые, подчас еще более сложные. При этом в наиболее сложном положении оказался русский народ, понесший в советский период наибольшие не только людские, но и духовные потери и в значительной степени вследствие этого утративший свое национальное самосознание.

О непростой ситуации, возникшей в этой сфере в условиях глобализации, состоялся откровенный разговор на прошедшем в октябре 2004 г. Архиерейском соборе Русской православной церкви. Прежде всего, руководство православной церкви определило свое отношение к процессам глобализации в культурно-религиозной области. Патриарх Московский и всея Руси Алексий II отметил, что объективно единое пространство, в котором встречаются отдельные культуры и религии, понимается в современном мире по-разному. Главный православный иерарх выразил несогласие с предложениями ввести единые, унифицированные культурные стандарты, что является попыткой уравнивать все культуры, лишив их своего внутреннего содержания.

Принципиальная оценка на соборе была дана сегодняшнему духовному состоянию российского общества. В Послании к православ-

ным верующим Архиерейский собор с горечью констатировал, что искушение свободой общество не выдерживает. На смену атеизму пришел культ роскоши, потребления, комфорта, удовольствий, зачастую связанных с нравственной распущенностью. Особую тревогу иерархов Русской православной церкви вызывает распространение секуляризма, который в эпоху глобализации стал всемирной силой, претендующей на то, чтобы выражать интересы всего человечества с универсальных позиций. Мерилом всего им объявлен человек, под предлогом защиты прав которого, по мнению высшего православного духовенства, защищается грех, который внедряется в жизнь как некая болезненная норма. Все это ведет к разрушению моральных устоев нашего народа, которое прежде всего осуществляется через телевидение. Одновременно с этим предпринимаются попытки вытеснить церковь из различных сфер общественной и государственной жизни. Все это является следствием насаждения в мире одной системы ценностей, которая является лишь повторением прежней тоталитарной практики, противоречащей духу христианской свободы, стремящейся скроить мир по единому образцу, лишив его красоты и многообразия, данных Творцом.

О какой системе ценностей идет речь, поясняется в обращении Архиерейского собора по вопросам демографии. Оценив демографическую ситуацию в стране как крайне неблагоприятную, характеризующуюся катастрофическим сокращением численности населения, собор назвал одним из важнейших негативных факторов этого усиленно насаждаемый в нашем обществе либеральный подход в отношении добрых и внебрачных половых связей, аборт и контрацепции. Пагубной практикой, ведущей не только к уменьшению численности населения страны, но и к его нравственной деградации, было охарактеризовано одно из проявлений такого подхода, так называемое планирование семьи, которое заключается в отказе от рождения детей и поощрении абортов.

Сложившаяся в стране ситуация в духовно-нравственной сфере является не только следствием доминирования либеральных идеологических ценностей над консервативными. В гораздо большей степени подобное положение объясняется, на наш взгляд, целенаправленной политикой, которую проводит реально управляющая Россией олигархия. Правящий олигархический класс, за бесценку присвоивший себе основную долю национальных богатств страны и лишивший тем самым огромную часть населения достойного социально-экономического будущего, больше всего опасается общественной консолидации по проблеме преодоления гигантского неравенства между богатством и бед-

ностью в современной России. Любой рост национального самосознания, прежде всего среди самого многочисленного в Российской Федерации русского народа, осознание им своей национальной идентичности, базирующейся на духовной основе православия, вызывает у олигархической элиты опасение потерять политическую и экономическую власть в стране.

Поэтому олигархия и стоящее на защите ее интересов государство демонстрируют совместный либеральный подход не только в сфере экономических отношений, где ликвидируются последние социальные завоевания, но и в религиозно-нравственной области, где таким традиционным ценностям нашего народа, как духовность и коллективизм, противопоставляются всячески пропагандируемые через средства массовой информации откровенная пошлость и эгоистический индивидуализм. Как откровенно заявил тогдашний министр культуры РФ М. Швыдкой, «Я не хочу, чтобы русские были нацией с закомплексованным коллективным сознанием».

Впрочем, учитывая катастрофические темпы сокращения численности населения России, еще не ясно, останется ли вообще кто-то из коренного населения страны в обозримом будущем на ее необъятных просторах. Либеральный подход, демонстрируемый в этом вопросе президентом РФ В. Путиным, внушает оптимизм, что наша территория и при самом неблагоприятном демографическом прогнозе не останется незаселенной. На эти мысли наводят прогрессивные идеи, высказанные президентом на встрече с иерархами Русской православной церкви во время упомянутого выше Архиерейского собора. На обеспокоенность епископа Читинского в связи с проникновением в регион все большего количества китайцев, В. Путин предложил православному духовенству вести миссионерскую работу среди китайцев и обращать их в православие. Либеральный подход президент В. Путин продолжил в своем ежегодном послании в апреле 2005 г., сделав, по существу, упор в решении демографической проблемы на либерализацию миграционной политики, которая должна помочь осесть на территории России гражданам иностранных государств. Судя по всему, с благословления власть предержащих, перефразируя известную фразу, население России будет прирастать за счет православных китайцев. При том, что Русская православная церковь всегда считалась вселенской, основой ее паствы был именно русский народ. Тем не менее, руководство православной церкви пока не определило свою миссионерскую политику в отношении китайцев. Это не может не вызывать удивления, учитывая его абсолютную лояльность властям.

Лояльность, тем не менее, никак не влияет на игнорирование правящими кругами просьбы руководства православной церкви об увеличении присутствия православия во всех областях социальной жизни. Благими пожеланиями остаются решения Архиерейского собора о праве верующих людей обучать своих детей в государственных школах без опасения, что им будет навязываться безрелигиозная картина мира. Тем более неосуществимы в современной России предложения о регулярном участии православных священнослужителей в теле- и радиопрограммах, о публикациях в средствах массовой информации материалов, выражающих церковную позицию по актуальным проблемам современности. Даже совершенно безобидное предложение о введении в качестве факультатива в школе курса «Основы православной культуры» было отвергнуто. Это абсолютно понятная реакция правящей олигархии, которая видит угрозу своему господству во всем, что проповедует традиционные духовные ценности, воспитывает молодежь патриотами своей Родины. Зато все новые телевизионные программы, духовно уродующие молодое поколение страны, не встречают никаких препятствий в информационном пространстве России.

В этих условиях Русской православной церкви остается максимально использовать тот в высшей степени скромный ресурс, которым она обладает, для защиты духовного здоровья православного населения страны. Немногочисленные православные гимназии должны стать духовными центрами воспитания верующей молодежи, гордящейся своей культурой и историей, готовой защищать свою страну от поработителей. Следует всемерно поощрять и развивать молодежное православное движение, опираясь прежде всего в этом деле на помощь возрождающегося казачества, которое всегда ревностно стояло на защите Отечества и православия. Полезную роль в воспитании молодых граждан могут сыграть летние православные лагеря. В открывающихся в стране кадетских корпусах православному духовенству следует вести курсы православной культуры, пропагандировать огромное значение религии в жизни русского воинства⁴.

⁴ На форуме Интернет-конференции (<http://www.auditorium.ru/forum/threads.php?ftype=0&fid=92>) по поводу данного доклада появилось следующее сообщение: Тема: Русская православная церковь и государство (2005–05–31) Сообщение: Если провести контент-анализ федеральных телеканалов хотя бы за неделю, или, к примеру, одних только новостных передач, можно удостовериться, что Русской православной церкви отведена значительная часть эфира на том телевидении, которое «разрушает моральные устои нашего народа». Если проанализировать официальные заявления РПЦ за несколько лет, можно удостовериться, что ее позиции, как правило, совпадают с руково-

Литература

1. Известия. 2000. 16 мая.
2. Информационный бюллетень. Отдел внешних церковных связей Московского патриархата. Спецвыпуск. Октябрь 2004.

Д.В. Ефременко

Европейская идентичность как фактор становления новой российской идентичности

Дискуссия об истоках, сущности и значении европейской идентичности, вновь активизировавшаяся в связи с подготовкой Конституции Европейского Союза, характеризуется двумя основными подходами. Представители первого апеллируют к универсалиям европейской культуры и концентрируют свое внимание на пространственно-временном измерении европейской идентичности. Представители второй точки зрения рассматривают эту проблему через призму общности политических принципов и институтов. По сути дела, для них европейская идентичность есть ничто иное, как идентичность Европейского Союза.

Ключевым в культуралистской версии европейской идентичности являются образ «другого», «внешнего». Без Не-Европы невозможно представить Европу. Однако с началом европейской интеграции политическая динамика стала все более опережать устоявшиеся представления об историко-культурных основаниях европейской идентичности. Так, уже со вступлением Греции в Европейское Сообщество в 1981 г. исчезла возможность говорить о том, что важной культурной основой европейской интеграции является лишь западное христианство. В 2004 г., еще до начала официальных переговоров о вступлении в Европейский Союз Турции, политически предпочтительным стал полный отказ от упоминания христианства как предпосылки культурного единства Европы.

Все большая релятивизация историко-культурных пределов Европы, связанная с динамическими процессами как в самой культуре европейских народов, так, в особенности, с политическими изменениями рубежа XX-XXI вв., выдвигает на ведущие позиции интерпретацию европейской идентичности в первую очередь как политической иден-

дством государства, «стоящим на защите интересов олигархии». Высшее государственное руководство постоянно присутствует на православных праздниках. Какая еще из религиозных конфессий России, в том числе традиционных, может этим похвастаться? Не следует ли задаться вопросом о роли РПЦ в культурной примитивизации населения России в постсоветский период? По поводу же основного производителя культурной продукции в глобализирующемся по неолиберальному образцу мире, Америки, следует напомнить, что атеистам во время президентства Билла Клинтона было запрещено занимать административные должности. – *Примечание ответственного редактора.*

тичности Европейского Союза. Такая идентичность представляет собой ансамбль политических ценностей и принципов, получивший широкое признание в качестве основы единства ЕС.

В случае Европейского Союза речь идет об истолковании европейской идентичности как особой политической идентичности, являющейся результатом и одновременно предпосылкой межгосударственной интеграции. Сознательный перенос акцентов с историко-культурных оснований европейской идентичности на ее политическую составляющую является свидетельством укрепления позиций социально-конструктивистского подхода. При таком подходе европейская политическая идентичность рассматривается как социальный конструкт или проект. По мнению Вацлава Гавела, проект европейской идентичности должен состоять в «новом и достоверном определении европейской ответственности, в усиливающемся интересе к подлинной европейской интеграции, в ее дальнейшей реализации в современном мире и обновлении ее этоса, или – если угодно, – ее харизмы».

Новым этапом формирования европейской политической идентичности становится европейский конституционный процесс. Этот процесс является беспрецедентным, поскольку речь идет о создании Конституции для пространства, не обладающего ни изначально существующим единством территории, ни языковой общностью, ни целостным гражданским обществом. Подготовка проекта Конституции Европейского Союза и начало ее ратификации в парламентах или путем общенациональных референдумов драматическим образом перевели дискуссию о европейской идентичности из преимущественно академической сферы в основное русло политической борьбы. Дополнительную остроту этой проблематике придавала очередная волна расширения Европейского Союза, а также объявление о начале переговоров о присоединении к ЕС Турции.

Парламентские дебаты и референдумы, несомненно, продемонстрируют реальную степень готовности гражданских обществ стран ЕС сделать выбор между национальным и наднациональным. А в том, что в ходе дебатов национальные интересы будут противопоставляться общеевропейской ответственности, едва ли приходится сомневаться. Разумеется, открытая и широкая общественная дискуссия может способствовать дальнейшему формированию европейской идентичности. На деле, однако, очень многое будет зависеть от процедуры и содержательной направленности обсуждения. Возникает опасность подмены предметного анализа положений Конституции некоторыми острыми в политическом контексте той или иной страны вопросами. Существует явный разрыв между общими политическими принципами европей-

ской интеграции и критическим отношением избирателей к реально функционирующим институтам ЕС и проводимой ими политике.

Можно предположить, что в ходе конституционных дебатов позиция тех, кто трактует европейскую идентичность как сугубо или преимущественно политическую, подвергнется серьезной критике и по другим направлениям. Стремление снизить «конфликтogenicность» текста Конституции ЕС в связи с проблемой исторических и культурных оснований европейского единства отнюдь не снимает саму эту проблему. Также едва ли удастся отделить вопрос о принятии Конституции от проблематики дальнейшего расширения ЕС, в конечном счете – от определения границ Европы в условиях глобализации. Соответственно, вновь и вновь будут выдвигаться требования локализации Невропы. Очевидно, что и в среднесрочной перспективе на эту роль в первую очередь будут номинироваться США, исламский мир и Россия.

Противопоставление ЕС и США в наибольшей степени затрагивает тот аспект европейской идентичности, который связан с глобализацией. Глобализация при этом интерпретируется как весомый аргумент в пользу «политической Европы». Как пишет У. Бек, «Ключевое знание, ключевой подход таковы: без Европы нет никакого ответа на вызов глобализации. А значит, то, чем является и чем должна быть Европа, не следует – как в фокусе – вытягивать из прошлого, оно должно политически налагаться как политический ответ на вопросы будущего, причем во всех тематических полях: рынка труда, экологии, социального государства, международной миграции, политических свобод, основных прав. Только в транснациональном пространстве Европы политика индивидуального государства может превратиться из объекта угрожающей глобализации в субъект творимой глобализации».

Отношение к исламскому миру, по всей видимости, будет становиться все более сложной проблемой для ЕС. «Внутренний ислам» уже стал значимым фактором в таких странах, как Великобритания, Германия, Испания, Франция. Очевидно, что процесс интеграции мусульман в общество этих стран, равно как и перспектива присоединения к ЕС Турции, будут, с одной стороны, стимулировать дальнейший отход от культуралистской трактовки европейской идентичности, а с другой – порождать новые сомнения и даже разочарование в доминирующей политической интерпретации европейской идентичности. Это действительно драматическая ситуация, когда в определении европейской идентичности становится невозможным закрепиться на, казалось бы, естественном социокультурном рубеже.

Противопоставление Европейского Союза и России обрело второе дыхание после вступления в ЕС стран Балтии и Восточной Европы. Но, в

отличие от исламского мира, трудно найти убедительные социокультурные основания для противопоставления России другим европейским странам, особенно в условиях, когда начинают всерьез рассматриваться претензии Украины на членство в ЕС. Очевидно, что противопоставление может базироваться на различиях в политической практике, ценностях и институтах. Из этого можно было бы сделать вывод, что представление России как Не-Европы связано с фундаментальным расхождением политических идентичностей ЕС и России. Однако для подтверждения этого вывода необходимо понять, в чем же состоит современная российская политическая идентичность. В частности, необходимо выяснить, идет ли речь об идентичности государства-нации (с поправками на многонациональность и федерализм), о пост- или неоимперской идентичности. Очевидно, в настоящее время невозможно говорить о существовании сколько-нибудь устоявшейся идентичности Российской Федерации.

При этом не вызывает сомнений, что любой из возможных вариантов формирования российской идентичности будет тем или иным образом соотноситься с европейской идентичностью, или, по крайней мере, с ее преобладающей трактовкой. В первую очередь это будет определяться тем, насколько формирующаяся российская идентичность основывается на политических ценностях и принципах. Благодаря этому можно будет судить о ее несовместимости с европейской идентичностью, или, напротив, о возможностях их конвергенции.

Литература

1. Бек У. Что такое глобализация? М., 2001.

Т.Ю. Жуковская **Формирование национального самосознания** **в новых внешнеполитических условиях** **(СССР в 1920-е гг.)**

После определенных побед и успехов на международной арене к середине 1920-х гг. руководство СССР в 1926–1926 гг. вышло на новый уровень витка конфликтов с западноевропейскими странами. Взаимопонимание, пусть даже и вынужденное, декларировавшееся, подверглось серьезным испытаниям с момента подписания Локарнских соглашений и вступления Германии в Лигу Наций. Ситуация для руководителей страны осложнялась и проблемой собственного позиционирования в системе координат в послевоенном пространстве. По причине провалов попыток организовать мировую революцию большевистское руководство СССР фактически отказалось от приверженности данной концепции в отношениях с зарубежными странами, отдав предпочтение традиционным методам дипломатии.

Нельзя не согласиться с принятым определением внешнеполитического курса большевиков как чрезмерно идеологизированного. Он действительно противоречил насущным проблемам страны, а, соответственно, и большевистского руководства, стремившегося в этой стране закрепиться у власти. А развертывание активной агитационно-пропагандистской работы по внедрению в массовое сознание идеи «мировой революции» в таких изданиях, как «Правда» и «Известия», являлось показателем осознания этого противоречия руководством страны.

Официальная печать выполняла не только ограниченные функции идеологического давления на население СССР, но и являлась одним из каналов общения с зарубежными странами в обход дипломатического протокола. А идеологическая работа центра определялась, как минимум, тремя категориями: для внешнего общения, для внутреннего использования квалифицированными кадрами и для общей массы населения.

Эффективность работы в последнем направлении во многом обуславливалась соответствием предлагавшихся формулировок, целей и задач, с одной стороны, и непосредственными представлениями населения страны о себе как монолитной составляющей, не противопоставленной политическому руководству.

Особого внимания заслуживает «военная тревога» 1927 г., когда руководители страны заговорили об «угрозе войны», что побудило крестьян придержать урожай.

В 1927 г. вопросу о международном положении уделялось заметное внимание на региональном уровне. Угроза и ожидание «взрыва мировой бойни» в сочетании с ненадежным поведением крестьянства привели к активизации действий агитпропа и райкомов не только в среде красноармейцев и рабочих, но и среди крестьян. То, что было отмечено в документах агитпропа как недопустимость оперирования общими фразами, получило свое развитие. Пропагандистские формулы, которые действовали в городах, были абсолютно неприемлемы для эффективной работы на селе. В результате чрезмерного увлечения агитационной отчетностью партийное руководство к 1927 г. оказалось не то, что без поддержки крестьянства, но даже без ясных представлений о его настроении и способах привлечения на свою сторону. Все-таки, поддержка большинства населения (все еще большинства!) в предполагаемой войне не помешала бы. Заинтересованность партийного руководства в позиции этих слоев населения, независимо от формы выражения (разъяснительная или агитационная компания), была вызвана необходимостью получить известный анализ позиции крестьянства по вопросу о международном положении.

Несмотря на то, что положительные стороны были отмечены как преобладающее явление (за счет бедняков и середняков), объявление капиталистическим государствам войны было определено как невыгодное действие для рабочих и крестьян СССР. Каким бы отрадным ни было внимание крестьян, их готовность объявить войну, «отрицательные моменты» относились исключительно к положению внутреннему. Лояльность принимаемых резолюций особой ценности, кроме агитационной, не имела. А основой для выводов были настроения, выражавшиеся в каверзных вопросах, приписываемых на счет «кулачества, эсеровщины и другой контрреволюционной своры».

В результате стала очевидной запущенность агитационной обработки населения в вопросах внешней политики. Помимо того, что международное положение к середине 20-х гг. XX в. постепенно исчезало из повесток дня общих ячейковых собраний, в первые годы несколько увлеклись глобальными масштабами деятельности на международной арене. В угоду этому был потерян контроль над маленькими составляющими основного слоя населения страны.

Сделанный в результате анализа резолюций вывод оказался намного сдержанней, чем было нужно для поддержки революционной войны: «Судя еще по неполным материалам, настроение массы таково: «Мы войны не хотим, но если на нас пойдут, мы дадим надлежащий отпор и защитим наше пролетарское государство».

А сами перечисленные вопросы больше относятся к внутреннему положению в стране. Они могли бы быть использованы в качестве показателя еще одной конфликтной ситуации, предшествовавшей наступлению на деревню и т.д. Но их постановка в агитработе по международному положению приводит к определенной взаимосвязи. Получается, что поддержка внешнеполитической линии партии была показателем лояльности части населения советской власти внутри страны, а недовольство части населения внутренней политикой являлось сдерживающим фактором на международной арене, не позволявшим перейти к активным наступательным действиям. Осуществление индустриализации позволило создать социальную опору новой власти, даже при всех издержках (экономических, культурных и т.п.) этого процесса. Была завершена идентификация достаточно большой массы населения по принципу «мы – они». Таким образом, было хоть как-то уравновешено противоречие между заявленными принципами революционной войны, возглавляемой мировым рабочим движением, и сложившейся ситуацией, в которой правительство СССР осознавало неизбежность новых столкновений с Западом, но не могло обратиться к населению страны с призывом к войне, так как население в

войне, ничем не отличающейся от предыдущей, Первой мировой, по всей видимости, в 20-х – начале 30-х гг. не поддержало бы советское руководство.

Н.А. Заусаева

К модальной личности в поиске идейных оснований

Для нашего общества на протяжении многих веков характерен поиск универсалий, стержневых элементов, способствующих решению насущных проблем, помогающих ответить не только на важнейшие вопросы современности, но и быть путеводной звездой в будущем. Не случайно, что марксистское учение, «написанное» для западных стран, так быстро укоренилось на российской почве. Оно было буквально соткано из универсалий, пригодных для объяснения современности и будущего, а также служащих конечным ориентиром в поступательном движении человечества.

В последнее столетие искомая универсалия приобретает форму национальной идеи, а, точнее, русской. Не счесть числа трактовок с соответствующими обоснованиями и без оных, которые предлагались отечественными мыслителями и политиками, но дело заканчивалось неизменным результатом – трактовка так и оставалась на бумаге или, в лучшем случае, у нее находились малочисленные сторонники.

Постсоветский период не стал исключением в этом отношении. Правда, поиск национальной идеи в последние годы сопряжен еще и с необходимостью обретения национальной (государственной) идеологии. Все больше и больше людей понимают, что, даже несмотря на сохранившуюся нелюбовь к прежней всеохватывающей марксистско-ленинской идеологии, без национальной (государственной) идеологии невозможно плодотворно решать многие проблемы, стабилизировать ситуацию, наконец, обрести чувство уверенности в завтрашнем дне для себя и страны в целом. На это направлена отчасти деятельность политических партий, движений, особенно в предвыборное время. Политической элите также случается задуматься над разработкой идеологии, когда она стремится к ответственному правлению. Однако подобное устремление, как показывает отечественная политическая практика, в силу различных обстоятельств быстро сменяется курсом лавирующих временщиков, не нуждающихся в идеологии. Памятна попытка президента Ельцина дать указание сформулировать национальную идею. Широко озвучивалась в средствах массовой информации развернувшаяся деятельность по созданию новой российской (государственной) идеологии в президентскую предвыборную кампанию 2000 г. Уже прозвучали отдельные принципы, из которых предполагали исходить ее творцы, однако процесс оказался

незавершенным. Последние годы свидетельствуют о затухании интереса к идеологической составляющей политического процесса, что наглядно продемонстрировали очередная президентская и парламентская избирательные кампании, старательно обходящие «идеологический вопрос». Поиск национальной идеи превратился в обыденный процесс, в ходе которого время от времени озвучиваются те или иные варианты ее трактовки.

Представляется, что общим затруднительным моментом в осуществлении поиска национальной идеи и государственной идеологии является неопределенность исходного пункта указанного поиска, как-вым чаще всего выступает обобщенный тип российского человека. На поверку оказывается, что зафиксировать какие-то усредненные черты этого человека не представляется возможным, поскольку в процессе их вычленения обнаруживаются неразрешимые противоречия.

Распространенным объяснением невозможности обнаружения конкретной модели российского человека выступает ссылка на многочисленные расколы России, точнее, ее культуры, имевшие место на протяжении всего ее исторического пути. Поскольку наше общество не раз «раскалывалось» по разным параметрам, постольку в условиях расколотости отечественной культуры не может существовать единый тип человека с определенными чертами, ценностями и устремлениями. Подобный подход выступает другой крайностью, препятствующей плодотворному поиску стержневых элементов или универсалий, консолидирующих общество.

Смею предположить, что такая ситуация обусловлена известной неразвитостью отечественной политической науки и прежде всего той ее сферы, которая изучает политического человека – политической антропологии. Какое мнение по поводу исходного пункта рассматриваемого поиска имеется у политической науки?

Наиболее перспективным подходом в решении этой проблемы может стать курс на исследование «модальной личности». В политической науке этим термином обозначают 5–6 характерных для данной национальной культуры типов личности. Конкретный национальный характер, таким образом, проявляет себя в нескольких разновидностях «модальной личности». Другими словами, разнообразие характеристик российского человека необходимо подвести под базовые типы, черты которых имеют достаточно устойчивый характер.

Весьма любопытно, что в западных политических исследованиях распространено также выделение трех типов, характеризующихся местом в политическом спектре. В качестве таковых принято рассматривать радикалов (левых), консерваторов и либералов. Стабильность и

другие важные политические параметры напрямую зависят от процентного соотношения данных типов в обществе. С одной стороны, не может быть стабильного общества, в котором незначительно количество консерваторов. С другой стороны, успеху проводимых реформ не способствует невысокий процент либерально ориентированных людей в обществе. Что ожидает общество с большим процентным соотношением радикалов, нам известно из собственной истории, из истории Франции.

В современных отечественных исследованиях чаще всего выделяют два полярных типа. В качестве таковых одни рассматривают «модернистов» и «традиционалистов» (А.В. Перов, К.Г. Холодковский и др.), другие – «личность европейского типа» и «личность вопреки» (В.К. Кантор), «homo economicus» и «homo institutus» (Г.Б. Клейнер). Справедливости ради, следует сказать, что для некоторых исследователей характерно выделение трех и более типов. Так, например, Н.Е. Тихонова на основании результатов социологических исследований обнаруживает шесть поляризованных типов: «социально включенный» и «социально изолированный», «обманутый в своих ожиданиях конформист» и «прагматик-нонконформист», «гражданственник» и «космополит». Т.И. Кутковец и И.М. Клямкин в зависимости от ориентации людей на ту или иную идею выделяют следующие типы: «русские националисты», «державники», «интернационалисты», «социалисты-реставраторы», «империалисты», «демократы-западники», «объединители», «постсоветские индивидуалисты» и «православные христиане». Перечень подобных построений можно продолжить, однако следует обратить внимание на то, что они существуют сами по себе, а исследования ищущих универсальный тип русского человека – сами по себе.

Заключая сказанное, хотелось бы выразить надежду, что исследования в русле политической антропологии, сформировавшейся на границе различных наук, позволили бы успешно «состыковать» на едином поисковом поле выделяющих множественные типы и ищущих универсальный тип человека, определив тем самым содержание и структуру «модальной личности», характерной для современного русского общества. Это, в свою очередь, откроет перспективы для выработки ценностных оснований национальной (государственной) идеологии и развертывания плодотворной дискуссии о содержании национальной идеи.

Литература

1. Кантор В.К. Личность и власть в России: сотворение катастрофы // Вопросы философии. 1998. № 7.
2. Клейнер Г.Б. Homo economicus и Homo institutus в российской институциональной среде // Общественные науки и современность. 2003. № 3.
3. Кутковец Т.И., Клямкин И.М. Русские идеи // Политические исследования. 1997. № 2.
4. Перов А.В. Тенденции и особенности формирования политических субкультур в современном российском обществе // Вестник Московского университета. Серия. 12. 2003. № 2.
5. Тихонова Н.Е. Самоидентификация россиян и ее динамика // Общественные науки и современность. 1999. № 4.
6. Холодковский К.Г. Социальные корни идейно-политической дифференциации России // Политические исследования. 1998. № 3.

Н.Ю. Кавешников

Европейский Союз глазами российских печатных СМИ⁵

Целью настоящей работы является изучение образа Европейского союза в российских федеральных печатных СМИ. Обработаны подшивки семи газет – «Известия», «Независимая газета», «Российская газета», «Ведомости», «Время новостей», «Газета», «Коммерсант» – за январь-май 2004 г. Применялся качественный метод контент-анализа, с элементами количественного анализа для определения частотности отдельных характеристик. Выделен ряд наиболее часто повторяющихся характеристик Евросоюза (см. Таблица 1). Итоги исследования представляют интерес как отражение позиции политической и медиа-элит и как исследование образов и взглядов, которые элита предлагает рядовому потребителю информации.

Неудивительно, что одной из основных характеристик ЕС является образ Евросоюза как сообщества ценностей, некоего стандарта в области соблюдения прав человека. Из одной публикации в другую практически без изменений кочует фраза о становлении «единой Европы, в которой царят мир и процветание, безопасность и свобода». Иногда специально подчеркивается, что Европа «развивается по другому пути, нежели СССР, который развалился из-за имперских замашек». Правда следует отметить, что образ сообщества ценностей доминирует, как правило, в статьях европейских политиков и экспертов, российские

⁵ Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта, осуществляемого при финансовой поддержке ИНТАС, грант INTAS YSF № 03-55-887.

авторы либо замалчивают его, либо ограничиваются одной вскользь сказанной фразой.

Контррезис представлен очень небольшим числом публикаций: упоминаются те или иные проблемы с соблюдением прав человека, преимущественно в странах Балтии, но также в Словакии, Словении и Германии. Особо выделим периодически звучащее негодование по поводу того, как Брюссель вмешивается во внутренние дела государств-членов, тем самым ограничивая свободу волеизъявления их народов. Например, когда Словакия еще была кандидатом, ее политической элите в ходе национальных выборов «был предъявлен негласный ультиматум Западной Европы... или ЕС и НАТО, или Мечьяр». Также широкий негативный резонанс получила идея Европейской народной партии запретить бывшим коммунистам из стран ЦВЕ участие в политической жизни, – общий тон статей соответствует словам министра иностранных дел Венгрии: на каком основании «ЕНП открыто предпочитает одних демократически избранных лидеров ЦВЕ другим»?

Наиболее массово представлен тезис о Евросоюзе как «важной» организации в мировой политике и о «полюсе силе». Однако здесь говорится преимущественно о потенци: влияние ЕС усиливается, и он «способен превратиться в один из центров, способных оказывать определяющее влияние на мировые процессы». Неоднократно упоминается о формировании оперативного потенциала, о большом влиянии ЕС в странах-соседах. Однако около половины публикаций упоминают о «важности» Евросоюза не вообще, а в сравнении с Россией. Как правило, это иллюстрируется уже ставшей трюизмом фразой о том, что «после расширения ЕС получил контрольный пакет в российском внешнеторговом обороте – его доля возросла до 51%». Изредка высказывается мнение, что «ЕС и без России проживет, а вот для нас любые санкции со стороны ЕС будут смерти подобны». Однако также несколько статей упоминают о зависимости ЕС от российских энергоносителей: «Европа молится на наш газ».

Контррезис о внешнеполитической слабости ЕС высказывается гораздо реже, но, как правило, экспертами – российскими и европейскими. Отмечается, что Евросоюз из-за внутренних разногласий не может вести скоординированную внешнюю политику, он «просто не способен выстраивать политику ни по отношению к России, ни по отношению к США» (А. Рап), пока «не получается» говорить с Москвой единым голосом (европейский дипломат), а евро «несмотря на все усилия, пока не стал мировой валютой...».

Очень неоднозначной является оценка успехов европейской интеграции. Положительный тезис встречается почти в три раза реже отри-

цательного. С одной стороны, членство в ЕС «обеспечило мир и стабильность на всем континенте», расширение – это очередной этап и, пожалуй, «самый серьезный прорыв... к мечте о великом единстве», а достигнутая степень интеграции такова, что, хотя некоторые решения не устраивают отдельные государства-члены, «но они подчинятся». При этом в некоторых комментариях неизбежная утрата суверенитета оценивается как явление положительное: «не надо бояться, что мы потеряем суверенитет по части грязи или низкокачественной продукции... или наличию плохих дорог» (А. Квасъневский).

Однако опасения об утрате суверенитета также присутствуют. Они описываются преимущественно на примере судьбы новых государств-членов. «Вильнюс, предпринимая даже крошечный шаг, оглядывается на Брюссель. А оттуда то моргнут, то кивнут, и понимай как хочешь». «О соблюдении каких-то индивидуальных прав... Латвии нужно забыть». Именно необходимость сохранения суверенитета обосновывает явное нежелание отдельных авторов видеть Россию в кильватере политики Евросоюза: «Россия не будет ходить под Брюсселем».

В то же время гораздо большее число статей отмечают незавершенность интеграции, «рыхлость» экономического и политического союза, разный уровень экономического развития стран ЕС. При этом особый масштаб эта «рыхлость» приобретает в процессе расширения, которое «может помешать истинной интеграции стран Европы и стать препятствием для превращения ЕС в единый и динамично развивающийся организм» (Г. Ферхойген). Неоднократно отмечается, что существующие экономические диспропорции способны привести к политическим противоречиям, например, «к обострению налоговой конкуренции (между странами ЕС – Н.К.), которая вполне способна перерасти в локальную налоговую войну». Во многих статьях анализируются происходящие в ЕС события в категориях споров и противоречий между отдельными странами. Как отдельная сложная проблема выступает нежелание стран-доноров в прежних масштабах выделять деньги на общеевропейские нужды: почему ФРГ «должна тянуть за собой менее развитые страны Евросоюза?» (Э. Штойбер).

Также идиллической картине европейской интеграции противопоставлен ряд статей о возникновении в ЕС «директората» крупных стран. Согласно этим статьям, крупные страны не только стремятся диктовать свою волю всему Евросоюзу, но и сознательно «демонстрируют, что не чувствуют себя связанными правилами ЕС настолько, насколько малые страны Европы». Неоднократно и в довольно злорад-

ных формулировках описывается недовольство ряда европейских политиков тем, «что Единая Европа как бы живет на двух скоростях и по разным кодексам поведения. Один – для континентальных карликов, другой – для членов директории».

Поскольку в исследовавшийся период завершился процесс вступления в ЕС десяти новых членов, этому сюжету было посвящено очень большое число статей. Безусловно, доминировали положительные оценки, среди которых можно выделить два тезиса. Во первых, ЕС распространяет на своих новых членов зону свободы и благосостояния и заставляет забыть старые распри, например, «интеграция Турции в Европу – шанс примирения между исламом и европейскими ценностями» (Г. Шредер). Во вторых, благодаря своим успехам, высокому уровню экономического развития и политической стабильности, Евро-союз является центром притяжения для всех своих соседей. Последние добровольно стремятся войти в «зону процветания», а это желание, в свою очередь, является мощным стимулом трансформации. В общем, «ЕС, провозгласивший своей целью превращение Европы в континент демократии, свободы, мира и процветания, оказался весьма привлекательным клубом – и очередь кандидатов на вступление не иссякает».

Однако в ряде статей, пусть и не столь многочисленных, справедливо отмечается, что новым членам «еще не один год предстоит пребывать в ЕС в «серой зоне». Из-за многочисленных исключений, отчасти выторгованных новыми странами, отчасти навязанных им самим Евросоюзом, страны ЦВЕ иногда характеризуются как «неполные члены», а само расширение оценивается как «бездумное воспроизведение деления на «весси» и «осси». В этом контексте анализируются и психологические отношения новых и старых европейцев, например, утверждается, что «страх жителей Польши перед вторжением Запада – зеркальное отражение западной фобии». Кстати, последнее утверждение подтверждается прошедшей во Франции агитационной кампанией против Конституции ЕС, одним из лозунгов которой стал страх французов перед дешевой рабочей силой с востока.

По итогам исследования можно сделать некоторые общие выводы. Практически все встречающиеся с печатью СМИ характеристики образа ЕС дуполярны: наряду с положительным качеством обязательно присутствует отрицательное. ЕС привлекателен для новых членов, но в то же время эксплуатирует и колонизирует их; борется с монополиями, заботится о поддержании справедливой конкуренции и обеспечивает высокие социальные гарантии, но при этом слишком сильно вмешивается в экономику; основан на культуре компромисса и учета взаимных

интересов государств-членов, но некоторые из этих государств-членов пытаются создать «европейское политбюро» и оказывают сильное давление на более слабых...

В большинстве случаев положительная характеристика доминирует над отрицательной, причем доминирует значительно – в полтора–три раза. Преобладание отрицательных черт отмечено лишь два раза. Российские СМИ справедливо отмечают бюрократизм Евросоюза, сложные и длительные процедуры принятия решений, определенную неразбериху в органах ЕС и их низкую эффективность. Также негативные характеристики преобладают при оценке успехов интеграции, которая, если верить отечественным СМИ, одновременно и не завершена («рыхлая»), и привела к возникновению «Брюссельского ига». Отчасти недооценка достигнутого Евросоюзом реального прогресса связана с традиционной для журналистов погоней за «жареными» новостями, которые обычно являются негативными. Отчасти – с тем, что успехи интеграции есть нечто уже достигнутое, и потому привычное, а проблемы актуальны и привлекают общественное внимание.

Характерно, что внешнеполитическая активность Евросоюза, особенно тем или иным образом затрагивающая Россию, оценивается гораздо более неоднозначно – положительные и отрицательные характеристики на удивление точно уравнивают друг друга. ЕС защищает права человека, несет своим соседям мир и демократию и строит Европу без разделительных линий, но при этом практикует применение двойных стандартов (и к России, и к некоторым другим третьим странам), а также строит буферную зону, отгораживаясь от постсоветского пространства. Такие оценки в целом верно отражают реальные и противоречивые отношения между Россией и ЕС.

Российские печатные СМИ дают вполне адекватный образ Евросоюза и способствуют усилению прагматических настроений в обществе. Не удивительно, что опросы общественного мнения в России показывают сокращение доли тех, кто считает, что Россия должна стать членом ЕС (35% в октябре 2003 г. и 32% в апреле 2004 г.) и тех, кто отрицает возможность равноправного партнерства (16% и 14% соответственно). При этом стабильно растет доля россиян, уверенных, что Россия должна стремиться к установлению равноправных, партнерских отношений с ЕС, но без вхождения в него (30% и 34% соответственно).

**Таблица 1. К докладу Н.Ю. Кавешникова: Основные характеристики ЕС
(по материалам российской прессы)**

Число статей	Объем статей (см.)	Тезис (положительное качество)	№	№	Контртезис (отрицательное качество)	Объем статей (см.)	Число статей
21	1849	сообщество ценностей / стандарт соблюдения прав человека	1	1	вмешивается в полит жизнь стран-членов, определяя кто – демократ, а кто – нет, тем самым ущемляя волю народов этих стран	274	7
9	669	богатый / высокий уровень жизни	2	2	дорогая жизнь	142	3
2	286	хорошая, квалифицированная бюрократия / хотя бы увеличить эффективность органов	3	3	бюрократизм / сложные процедуры принятия решений / медленно действует / путаница, неэффективность	1056	21
15	1399	привлекательный, все хотят вступить	4.1	4	колонизация ЦВЕ/ старые члены эксплуатируют новых / неполное вступление новых членов / отторгается от новых членов	518	7
5	345	несет мир, демократию и процветание своим членам	4.2				
9	956	большой прогресс в интеграции / единство / мечта о великом единстве	5	5.1	утрата национального суверенитета / ЕС — супергосударство / Брюссель управляет странами-членами / диктат Брюсселя, европейское иго	463	9
				5.2	незавершенность интеграции (рыхлый) / торговые и политические споры между членами / экономически разнородный / политическая и социальная дифференциация	1724	27
				5.3/6	директорат крупных стран / крупные страны (Брюссель) грозят членам ЕС суровыми карами за непослушание	660	14
8	450	компромисс как основа политики	6				

Число статей	Объем статей (см.)	Тезис (положительное качество)	№	№	Контртезис (отрицательное качество)	Объем статей (см.)	Число статей
17	880	либерализует рынки / борется с монополиями / стимулирует конкуренцию	7.1	7	слишком сильно вмешивается в экономику / большие налоги	661	9
3	85	заботится о безопасности и здоровье потребителей	7.2				
6	341	социально ориентированный / солидарность, / высокие социальные гарантии	7.3				
30	2242	глобальная роль / рост престижа / формирует новый мировой порядок / влиятельный в мировой политике	8	8	внешнеполитическая слабость	287	5
18	1119	Внешняя политика: способствует демократизации, защите прав человека и борьбе с коррупцией, модернизации соседей, несет мир и демократию в третьи страны	9	9	внешняя политика: двойные стандарты, наказывает за непослушание	1029	14
11	1118	строит Европу без разделительных линий	10	10	строит буферную зону, отгораживается от постсоветских стран	1219	13
154	11739					8033	129

В.Н. Козулин

**Культурная идентичность России: новый взгляд
на западничество и почвенничество**

Споры о культурной идентификации России, широко известные под именем «западничества и славянофильства», длятся уже не один век. Для современной России, находящейся в поиске новой национальной идеи, эти споры вновь становятся актуальными. Попробуем и мы внести свою маленькую лепту в этот необходимый процесс формирования национальной идеи России и обретения ей новой культурной идентичности. Для этого нам придется по-новому взглянуть на так называемых западников и почвенников (славянофилов) русской общественной мысли.

Приведем интересное мнение современного русского философа В.К. Кантора, высказанное им в статье «Русский европеец как задача России» в самом первом номере журнала «Вестник Европы» после его очередного «возобновления» (N 1 за 2001 г.). Этот философ понимает «европейскость» как некий культурно-этический идеал, к которому стремятся все европейские и не только европейские, а вообще цивилизованные народы. Европеизация для него – своего рода модернизация под эгидой почти мистического европейского гуманизма и либерализма. В своем понимании «европейскости В.К. Кантор отталкивается от тезиса известного философа В.С. Соловьева, который утверждал, что европеец есть понятие не географическое, а культурно-этическое, «с определенным содержанием и с расширяющимся объемом». Русская идентичность, по мнению В.К. Кантора, это уже давно, то есть исторически, европейская идентичность.

В.К. Кантор разделяет понятия «русский западник» и «русский европеец». Русские «западники» были очень близки к славянофилам. Многие славянофилы (особенно отчетливо это выражено у А.С. Хомякова), как и западники, идеализировали и романтизировали «старый Запад», т.е. старую, историческую Европу, «страну святых чудес», по словам А.С. Хомякова. Им не нравилась новая Европа, и они мечтали, чтобы Россия сделала то, что не смогла сделать Европа, исполнила бы истинные высшие идеи Европы. То есть получалось, что Россия лучше, чем Европа, и Европе предстоит в дальнейшем равняться на Россию. В этих идеях, на самом деле, мало почвеннического, напротив, они лишают Россию всякой самобытности. Россия в таких концепциях является только правильным транслятором чужих, инородных идей.

Венцом подобного рода концепций можно считать большевизм, особенно сталинского разлива, в котором как раз причудливо сочетались и западничество, и почвенничество. С одной стороны, большеви-

ки искореняли национальное русское, внедряя западные институты и марксистские ценности, с другой стороны, они же объявили главным врагом Страны Советов разлагающийся капиталистический Запад. Россия в историософской концепции большевиков превратилась в тот маяк, на который должен ориентироваться Запад, в наиболее передовую часть именно западной цивилизации. Россия превосходила Европу в этой теории. Несомненно, эта мессианская, учительская позиция в отношении Запада в своих истоках восходит к русскому византинофильству и идее «Москва – Третий Рим».

Итак, западничество и почвенничество, по справедливому мнению В.К. Кантора, едины в том, что признают Россию иной, чем Запад, и тем самым вытесняют ее за пределы общеевропейской истории. Русские европейцы – это, по мнению философа, совсем другое. Русские европейцы – это те, кто вовсе не отделяют Россию от Запада, смотрят на Запад не извне, со стороны, а изнутри, глазами европейца. Из анализа за сущности «русского европейца» В.К. Кантора можно сделать вывод, что «русские европейцы» – большие почвенники, чем славянофилы.

Примечательно, что очень сходные мысли об истинном смысле русского «псевдопочвенничества» высказывал в том же журнале «Вестник Европы», только еще сто лет тому назад, известный русский публицист того времени Г.А. Евреинов, в статье «Самобытность и отсталость» (Вестник Европы, 1904, N 2). Г.А. Евреинов отмечал, что истинное славянофильство или, точнее, русофильство необходимо отделять от элементарного ретроградства, под которым оно часто маскируется. А ретроградство – это, как известно, стремление вернуть старые порядки. В свое время под славянофильством маскировался, по словам Г.А. Евреинова, «атавизм крепостничества», а в наше время, могли бы мы добавить к его словам, «под псевдопочвенничеством» зачастую маскируется ретроградная идеология отечественных коммунистов и иже с ними.

Особенно ценными у Г.А. Евреинова нам представляются мысли об истинном патриотизме, связанные у него с концепцией формирования новой именно европейской русской идентичности (одно другому здесь не противоречит). Г.А. Евреинов говорит, что «настоящий патриот не должен закрывать глаз на недостатки и несовершенства своего отечества, он ими болеет, он негодует, страстно желает их изменения», тогда как «крайний националист старается их не видеть». Чтобы обеспечить России благополучное развитие, нужно, по мнению Г.А. Евреинова, уметь находить в истории такие национальные начала, которые годились бы для прогрессивного развития, уметь отцедить их «от татарской дикости и византийского мертвящего догматизма».

Разве не патриотична и не националистична в самом лучшем смысле слова такая позиция Г.А. Евреинова? И что же могут противопоставить представители иного лагеря русской историософии, те, за кем, собственно, исторически закрепились имена славянофилов, почвенников, патриотов?

В большинстве своем они противопоставляют этому мистическую идею византизма русской государственности и культуры, в частности, имперскую идею, пришедшую именно из Византии. Конечно, византийское влияние на русскую культуру было очень сильным и в значительной степени благотворным. Но к этому вопросу необходимо подходить исторически.

Дело в том, что в разные исторические периоды и в разных жизненных аспектах Византия играла различную роль по отношению к России. Если в период Древней Киевской Руси византийское влияние было, на наш взгляд, в большей степени положительным (хотя в историографии и это спорно), то в отношении ее влияния на Московскую Русь оценки уже не могут быть столь неоднозначны. Прежде всего, влияние Византии в этот период видят в появлении известной доктрины «Москва – Третий Рим», в которой утверждается, что Москва – продолжатель дела Римской и Византийской империй и последний в истории хранитель истинного христианства-православия.

Впоследствии именно эта «теория» стала знаменем русского национализма и имперскости, а также мессианства, которые оказались очень живучими в отечественной истории и даже в советское время существовали, только под другой идеологической оболочкой. Этот национализм и имперскость, как становится понятным сейчас, являются врагами модернизации и европеизации народов. Точно также идея германского рейха, этого наследства средневековой Священной Римской империи, не просто тормозила «европеизацию» Германии, но и имела для немцев и для всего мира катастрофические последствия в XX в. Современные немцы отказались от этой «немецкой идеи» и нашли свою новую культурную идентичность в рамках единой Европы. А вот Россия еще никак не может преодолеть это средневековое наследие. Даже во многих современных националистических изданиях русскую национальную идею по-прежнему связывают с Византией (византийское православие, византийская соборность, византийское самодержавие). Эту полную чужеродность русской идеи многие националисты-славянофилы объясняли тем, что Русь до усвоения византийского православия была абсолютно девственной почвой и поэтому жадно впитала все чужое, византийское, не имея ничего своего.

Но разве такая позиция патриотична, ведь русская культура и «русская идея» представляются всего лишь отростком, наследником Византии? Не есть ли это просто подмена Руси или России Византией? Неужели у нас не могло выработаться собственной национальной идеи, не копирующей византийскую? Неужели на Руси возможен не только экспорт государства (как было во времена призвания варягов), но и экспорт национальной идеи? При этом ведь тех, кто говорит об экспорте государства, у нас зачастую клеймят антипатриотами, а те, кто проповедуют экспорт национальной идеи, почему-то наоборот слывут почвенниками и патриотами. Не странно ли это? Что остается делать в таком случае так называемым русским европейцам? Им остается все же (и это очень важно) поставить мнимым почвенникам на вид собственно-русские, чисто национальные особенности и иные тенденции политического и общественного развития, отличные от византийской автократии. Хотя бы тот же Новгород и Галич – эти очень демократичные типично-европейские политические образования Руси.

Итак, если посмотреть с такой точки зрения на славянофильство, становится удивительным, почему оно именно так называется, а скажем, не «византинофильство»? Ведь и вправду, многих русских славянофилов и националистов привлекал и привлекает в России вовсе не славянский элемент (хотя, справедливости ради, следует сказать, что в последнее время появляются у нас все чаще и такие националисты, в наиболее узком и грубом смысле). Нет, для русского национализма, национализма с большой буквы, характерны более высокие, неславянские идеалы. Его привлекает идея империи, особенно Византийской; но были среди русских националистов в прошлые века русской истории и германофилы. При чем тут патриотизм, если идеал – чужая, не-национальная идея империи, малопонятно.

В наше время, когда единая национальная идея в России отсутствует (советская рухнула, а новая еще не возникла) особенно важно учесть эту опасность отождествления России с Византией, столь характерную для нашей философии истории. Византия, как бы приятно для русского уха ни звучало это слово, на современном этапе тянет нас назад, к идее империи. Эта идея возбуждает против России многие народы, особенно некогда зависимые от этой «второй Византии» или «третьего Рима».

Нам представляется, что в современном мире эта идея для России совершенно бесперспективна. Какова же может быть тогда национальная идея России? На этот вопрос очень хорошо отвечает известный отечественный философ А.С. Кармин. По его словам, в

современном мире «национальная идея» у всех государств должна быть одна: создавать условия для благополучной и счастливой жизни своих граждан, и никакую другую «национальную идею» нет необходимости придумывать. Эта точка зрения не нова: многие либеральные авторы (например, уже упоминавшийся Г.А. Евреинов) высказывали ее еще сто лет тому назад. С тех пор эта позиция была более чем основательно проверена временем.

В.А. Лукашевич

Европейское гражданство: право и идентичность

Одного взгляда на политическую карту мира достаточно, чтобы увидеть всю ту простоту и четкость организации мира, которую она предлагает: страны окрашены в различные цвета, а между ними проходят извилистые черные линии границ. В последние десятилетия простота и четкость этой системы вынуждены выдерживать давление со стороны процессов транснационализации и глобализации. Даже традиционные политико-правовые институты, такие как гражданство, оставшиеся неизменными в течение многих поколений, изменяются. Любое государство на различных стадиях своего развития желало знать, кто из людей, находящихся на его территории, «свой», а кто «чужой». Граждане – это не только неотъемлемый признак государственного образования, но и залог его существования. Появление в Договоре о Европейском союзе 1991 г. гражданства Европейского союза вывело этот древний институт из исключительной сферы влияния государства и вызвало к жизни многочисленные споры о будущем наднациональной модели гражданства.

Традиционно юридическая наука предлагает широкое понятие гражданства как устойчивой правовой связи лица с данным государством, то есть признание государством данного лица в качестве полноправного субъекта всех прав и обязанностей. Такое понимание гражданства основано на исключении из этой юридической категории всех привнесенных элементов, какими, например, являются лояльность, политическая воля, которыми наполнена исчезающая ныне категория «подданства».

Зачастую европейскому гражданству политологи и юристы отводят роль формального института, не имеющего практического наполнения. Наиболее распространенный аргумент в пользу такой точки зрения состоит в том, что в Европейском союзе нет «народа, объединенного общей культурой, языком и другими факторами, позволяющими отграничить их как сплоченную группу». Традиционно в политологии гражданство видится как двуединство идентичности и прав, как принцип существования глобальных систем.

Правовое содержание гражданства ЕС

Статья 17 консолидированной версии Договора о создании Европейского Сообщества устанавливает, что «каждое лицо, обладающее гражданством одного из государств-участников, является гражданином Союза. Гражданство Союза дополняет национальное гражданство и не заменяет его». Таким образом, данная статья учреждает модель европейского гражданства как связанного с национальным гражданством и проистекающего из него, но при этом имеющего самостоятельное значение.

Европейское гражданство возникает только вслед за национальным гражданством, никакой возможности обратного движения не предусмотрено. Традиционно гражданство по рождению основывается на праве крови (*ius sanguinis*) или праве почвы (*ius soli*). Современные европейские государства пошли по пути отказа от права почвы как основы приобретения гражданства по рождению, что соответствует концепции двухэлементного гражданства – для приобретения гражданства необходима общая идентичность, а не только формальный факт рождения.

Согласно части 2 статьи 17 Договора о создании ЕС, содержание европейского гражданства составляют права, которые закреплены в нем:

- свобода передвижения и места жительства в любом государстве-участнике Союза;
- право избирать и быть избранным на выборах в Европейский парламент в любом государстве-участнике, независимо от гражданства;
- право избирать и быть избранным на муниципальных выборах в стране проживания, независимо от гражданства;
- право пользоваться услугами и защитой консульских и дипломатических учреждений любого государства-участника;
- право подавать петиции в институции ЕС, обращаться в Европейский суд, и право получить ответ на любом из официальных языков по выбору заявителя.

Конечно, список тех прав, которые предоставлены гражданам Европейского Союза, более чем скромнен, но более детальная регламентация вряд ли была бы уместна в тексте Договора о создании ЕС. Правовое значение европейского гражданства прежде всего состоит в том, что оно закрепляет «право иметь права», политическое объединение должно указать на связь с народом, который оно считает своим. Европейское гражданство – формализованная часть концепции «Европы граждан» как принципа европейской интеграции.

Общеввропейская идентичность

Юрген Хабермас, присоединяясь к модернистским взглядам, открыто говорит, что «гражданство никогда не было концептуально связано с национальной идентичностью». Даже в эпоху Французской революции, когда гражданство впервые приобрело столь существенное значение, такой синтез во многом противоречил самому духу революции. Гражданство Франции приобретал всякий, кто приносил пользу революции, независимо от национальности. Быть гражданином не значило быть французом. По мнению Ю. Хабермаса, современный конституционализм использует национальную идентичность, чтобы связать потенциал нового гражданства и изжившие себя формы социальной интеграции.

Думается, что единство «государства» и «нации» создает концепцию гражданства как единства прав и членства в этническом сообществе, но это неизбежно приведет к доминированию «этнического» элемента, заполняющего «концептуальный пробел в конституционно-правовой структуре современного государства».

Аналогичные идеи лежат и в основе концепции «региональных государств» (region states) Кеничи Омэ. Национальное государство, связавшее правовые и социокультурные элементы гражданства, становится «неестественной и нефункциональной единицей организации человеческой активности: оно пропускает реальные связи среди разделенных народов».

С другой стороны, исключение идентичности из структуры гражданства, в духе «чистой теории права» Ганса Кельзена, неизбежно лишает гражданство связи с реальностью, оставляя ему лишь существование в сфере права. Решение этой проблемы лежит в ином подходе к пониманию идентичности как культурной идентичности. В современной традиции народ предстает как нация сограждан, сообщество, сформированное общей судьбой, происхождением, языком и историей.

Европейцы, несмотря на все различия между собой, обладая общей идентичностью, смогут отграничить себя от не-европейцев. Эта идентичность основана не на месте рождения или национальности родителей, а на общих ценностях. Эти ценности (верховенство права, права человека, свобода) составляют основу миропонимания народов Европы. В значительной степени европейцы начали осознавать наличие общей идентичности и культуры в начале XXI в., когда «цивилизации как наивысший ранг культурной общности, наиболее широкий уровень культурной идентичности» стали гораздо более реальны, чем этого можно было ожидать (С. Хантингтон).

Безусловно, Европа была и остается регионом множества древних национальных культур. Но одной из основных функций федеративных политических систем является интеграция гетерогенных сообществ, при условии сохранения их культурной и/или политической автономии.

Общую идентичность невозможно навязать сверху, но в условиях, когда она уже существует, возможным представляется создать такие условия, в которых она могла бы развиваться максимально быстро. Весной 2003 г. Евробарометр в очередной раз опросил население ЕС с целью выяснить, какой идентичностью обладают граждане ЕС. 57% граждан считают, что они обладают общеевропейской идентичностью, странами-рекордсменами здесь стали Италия (72%) и Люксембург (75%). Незначительная часть населения Союза обладает лишь европейской идентичностью – в среднем от 2% до 4%. Существенно выбивается из общей картины Люксембург, где таких людей – 20%, что объясняется большим числом живущих и работающих в нем граждан других стран ЕС.

Граждане ЕС в целом оптимистично настроены по отношению к Союзу и развитию отношений с ним, 40% из них считают, что именно население должно быть важнейшим институтом при принятии решений. В течение последних лет европейцы желают более быстрых темпов развития европейской интеграции: на шкале от 1 до 7 европейцы определяют текущую скорость интеграции как 3,85; а желаемую – 4,73.

Заключение

Европейское гражданство, основываясь на классической двухэлементной модели гражданства, существенным образом трансформировало ее, сообразно реалиям наднационального интеграционного объединения. Юридически наиболее значимым в модели европейского гражданства, на наш взгляд, является тот факт, что наднациональное гражданство служит «правом иметь права», то есть легитимным основанием прямой связи граждан Союза и его институтов.

На смену национальной идентичности как основе построения нации в глобализирующемся мире приходит концепция общей культурной идентичности, основанной на общем миропонимании и общих ценностях. Граждане Союза, в целом настроенные позитивно по отношению к Европейскому Союзу, уже в настоящее время обладают значительной степенью общеевропейской идентичности, которая в обозримом будущем продолжит свой рост⁶.

⁶ На форуме Интернет-конференции (<http://www.auditorium.ru/forum/threads.php?ftype=0&fid=92>) по поводу данного доклада появились следующие сообщения: Тема: Европеец – это кто? (2005–03–01). Сообщение: Так все-таки, современный «европеец» – это кто (если говорить кратко)? Тема RE: Европеец – это кто? (2005–03–02) Сообщение: Как правило, краткие и простые

Литература

1. Bellamy R. The «Right to Have Rights»: Citizenship Practice and the Political Constitution of the European Union // University of Sussex Working Papers 25/01. 2001.
2. Brewer M.K. The European Union and Legitimacy: Time for a European Constitution // Cornell International Law Journal. 2001. Vol. 34.
3. Eurobarometer 60. Public Opinion in the European Union. Autumn 2003 // http://europa.eu.int/comm/public_opinion/archives/eb/eb60.
4. Habermas J. Citizenship and National Identity // Van Steenberghe (ed.). The Condition of Citizenship. L., etc., 1994.
5. Idem. The European Nation State. Its Achievements and Its Limitations. On the Past and Future of Sovereignty and Citizenship // Ratio Juris. 1996. Vol. 9.
6. Huntington S. The Clash of Civilizations // Foreign Affairs. 1993. Vol. 71.
7. Ohmae K. The Rise of the Region State // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72.
8. Soysal Y. Limits of Citizenship. Migrants and Postnational Membership in Europe. Chicago-L., 1994.

М.Г. Тирских

Идентичность и политический режим

Современный мир, представляющий собой уникальный сплав разнообразных экономических, социальных, политических процессов, ставит перед научным сообществом новые проблемы, требующие ско-

вопросы являются самыми трудными, что можно сказать и о заявленной теме. Наверное, всё-таки европеец – это человек, который является носителем культурного и исторического наследия Европы, европейской мысли. Основу европейского мировоззрения, которое не спутаешь с азиатским или африканским, заложили ещё древние римляне и греки, мыслители Возрождения и Просвещения (и Америку здесь не открыть). Очевидно, что в рамках данного мировоззрения безусловную ценность представляют свобода личности, ценность её интересов, уважение к правам человека. Нельзя при этом видеть мир чёрно-белым: и в Азии проявляют уважением к интересам индивида, и в Европе ограничивают свободу, исходя из общей необходимости. Но всё же эти ценности являются ведущими и базовыми для «среднего» европейца. Поэтому очень кратко. Европеец – это человек, мировоззрение которого основывается на уважении к свободе личности, её интересам и правам. Лукашевич Василий. P.S. Недостаток любого краткого ответа в том, что он порождает больше вопросов, чем ответов. Тема: Европеец – это кто? (// 2005–03–02) Сообщение: Ну хорошо, а тогда чем «европеец» отличается от «американца»? И потом, ведь далеко не все европейцы уважают свободу личности. Можно сказать, что при Гитлере и Муссолини это было вообще не характерно для Европы... Да и сейчас – так ли уж европейцы уважают свободу личности приехавших на заработки арабов, турок и т.п.? – *Примечание ответственного редактора.*

рого и верного решения. Одной из таких проблем можно назвать обновление понимания идентичности в контексте универсальных интеграций (Европейский Союз, НАТО) или в процессе приспособления к глобальной системе ценностей (в настоящее время еще не обретшей очертаний целостной концепции) однополярного мира.

Частным случаем указанной проблемы следует назвать оценку соотношения идентичности и политического режима. Определенные формы взаимодействия государства, общества и личности, совокупность методов, средств и способов организации власти, все то, что принято в научном мире называть политическим режимом, предопределяется существующими в стране экономическими, социальными, политическими и иными процессами. Решение проблемы идентичности, таким образом, можно считать важным элементом поиска ответа на вопрос о способности того или иного государства к построению подлинной демократии.

Современный мир полон противоречий, которые, на первый взгляд, не вписываются в шаблоны развития политических, социальных, экономических отношений. Оценка таких взаимодействий позволяет констатировать факт наличия внутренней логики происходящих процессов, диалектического единства противоположностей, в борьбе которых создаются все более универсальные формы политической организации общества. Широко распространенное мнение о том, что только существование определенных форм идентичности позволяет создавать в государстве демократический политический режим, не выдерживает проверки практикой. Малообоснованным можно назвать и мнение, что только либеральная демократия позволяет в конкретном государстве существовать политическому, социальному, культурному многообразию, в полной мере проявлять гражданам свою индивидуальность в различных сферах. Но если в первом тезисе происходит подмена причины и следствия происходящих процессов, то во втором – переоценка значимости процесса, зачастую идеализирующая его и препятствующая успешному функционированию.

Следует заметить, что демократия чаще всего устанавливалась в тех обществах, в которых отсутствуют наиболее значимые элементы идентичности: однообразие национально-этнического состава, религиозная моноконфессиональность, единообразие уровня социального развития общества, однопартийная политическая система, сформированная на основе политической идентичности. Нидерланды, Североамериканские Соединенные Штаты, иные демократии Нового Времени, не способные четко определить не только гегемонию, но и приоритет той или иной политической, социальной, экономической группы,

создавали демократический политический режим как единственный способ сосуществования населения данных стран, форму преодоления совместных трудностей. Именно многообразие в различных его формах послужило основанием создания демократии. Только потребность в консенсуальном методе решения возникающих противоречий могло привести общественность к мысли о создании чрезвычайно громоздкой и зачастую плохо скоординированной системы разделения властей, а вместе с ней и системы сдержек и противовесов, абсурдных в обществах «универсальной идентичности».

Таким образом, демократия становится естественным следствием осознания потребности в реализации общих интересов и формировании единого мнения в неидентичных социальных общностях. Важным, на наш взгляд, является и то, что подлинная демократия вовсе не приводит к формированию идентичности как таковой. Ее задача – реализация интересов при неизменном сохранении исключительности отдельных социальных групп, поддержание политического многообразия, как на уровне институтов, так и в контексте множественности идеологий, сохранение различных меньшинств (национальных, религиозных, культурных) в качестве игрока на политическом поле. В противном случае, при формировании в условиях демократии общества, идентичного по определенному критерию и способного создать «сверхидею» своего развития, мы можем стать свидетелями преобразования демократии в автократию, сохраняющую внешние признаки демократического режима, но утратившую свой стержень, свой дух, свое назначение являться основанием для мирного сопоставления различных интересов.

Необходимо прислушаться к возможному возражению о том, что и при построении тоталитарного режима не наблюдается идентичности общества. Существуют значительные противоречия между отдельными политическими (Германия периода Веймарской республики), религиозными (Иран перед исламской революцией), национальными (в Руанде и Бурунди середины 90-х гг. XX в.) и иными группами. Анализируя процессы создания любого тоталитарного государства, можно заметить, что предварительным условием для закрепления и оформления тоталитарных методов управления и соответствующего механизма властвования являлось проведение ряда мероприятий по «повышению степени идентичности общества». Разгром политической оппозиции, применение насильственных методов в отношении различных меньшинств, преследование инакомыслящих – ничто иное, как создание «атомизированного идентичного общества», почвы для прорастания тоталитаризма. Единственной причиной, способ-

ствующей такому результату, является наличие изначальной идентичности, формирующей некую сверхидею, способную создать базу для развития тоталитарного процесса и устранения всех субъектов, не вписывающихся в данный процесс. Реваншизм в Германии, наличие активного религиозного большинства в Иране и т.д. определяют готовность общества поступаться интересами меньшинства ради удовлетворения целей большинства.

При этом такое замечание позволяет нам сделать два вывода. Во-первых, говоря об идентичности, как основании демократии, следует учесть факт существования различных форм идентичности, некоторые из которых могут способствовать демократизации. Единственной характеристикой идентичности, хотя во многом и условной, способствующей построению демократии, можно назвать идентичность признания необходимости использования консенсуальных методов принятия решения, т.е. готовность всех сторон политического процесса решать наличествующие проблемы сообща, несилowymi методами в рамках единого политического пространства. Иные формы идентичности лишь уничтожают возможность построения демократии. Во-вторых, условием построения демократии должно стать не только отсутствие широкой идентичности, но и отсутствие возможности какой-либо из сторон политического процесса решить конфликт интересов антидемократическими методами.

Особняком в рамках нашего анализа стоит проблема международной идентичности государств. Современное развитие международных отношений, основанное, с одной стороны, на общепризнанных принципах и нормах международного права, а с другой, на реалиях постиндустриальной эпохи и процессах формирования однополярного мира, приводит к потребности большинства государств стремиться к идентичности освоения «идеала» демократического политического режима. отождествление политического режима данного государства с общераспространенным мнением о демократии рассматривается как единственная возможность гарантировать комфортное существование власти этой страны и защита от «демократической интервенции» в скрытой или явной форме. В период третьей волны демократизации (начало 90-х гг. XX в.) постсоветские страны рассматривали идентичность политического режима как наиболее эффективный путь интеграции в мировое пространство и обретение разнообразных благ современной западной цивилизации (развитой рыночной экономики, институциональных механизмов разрешения конфликтов, толерантности к меньшинствам и т.д.). Современный период (начало XXI в.) вполне заслу-

женно можно назвать четвертой, «вынужденной» волной демократизации. Заявления Ливии, Сирии, Ирана о постепенной демократизации политического режима и либерализации социально-экономической сферы можно считать попыткой властей соответствующих государств обезопасить себя от угрозы открытого (вооруженная интервенция) или скрытого (спонсорство революций) внешнего вмешательства в процесс трансформации режима. Не давая оценок такой деятельности и осознавая наличие как позитивных, так и негативных сторон, мы можем сделать лишь один вывод.

Формирование международной демократической идентичности можно было бы назвать решающим позитивным условием для построения демократии во всем мире, если бы не осознание того, что, в конце концов, любая идентичность, не позволяющая развиваться индивидуальности отдельных субъектов, приводит к неминуемому построению автократии.

В.П. Шалаев, С.Л. Шалаева

Глобализация как экономическая цивилизация: проблемы будущего нашей культуры

Необходимо констатировать, что в случае с глобализацией, демонстрирующей себя в современном мире, путь объединения государств и народов по преимуществу пошел внешним путем. Не путем внутреннего решения самобытных культур, желающих такого объединения, в том числе, например, путем объединения этнокультурного и религиозного, то есть не путем культуры, а путем цивилизации, путем объединения народов посредством их экономических целей и интересов, стоящих в особом ряду ценностей, и являющихся в равной степени для всех них притягательными.

Да, народы мира поддались экономической интеграции, видя в ней реализацию своих экономических интересов, но они не поддались культурной интеграции и тем самым заключили общественный договор друг с другом не как всеобъемлющий договор, но как договор частичный, чисто экономический, то есть договор цивилизаций, но не культур. Ведь именно практическая сфера жизни всякого народа и является для нас до сих пор синонимом цивилизации, дополняющей собой их культурную, духовную жизнь. Таков цивилизационный подход.

Важно признать, что носителями идей глобализации, в ее экономической форме, и связанной с ней экономической модернизации, как пути успеха народов на мировом поприще, в основном выступили национальные элиты, увидевшие в глобализации, в освоении западной системы организации общественной жизни, реальный путь самоутверждения своих народов, а нередко и путь их выживания. При этом основная часть населения остается до сих пор в этих странах в значительной степени

приверженцем и носителем традиционных идей, т.е. остается своим сознанием в совершенно другом традиционном мире отношений.

При этом нельзя не заметить, что ситуация чрезвычайно быстро меняется, проявляясь маргинальными флуктуациями широких кругов населения многих стран, вошедших в кильватер расширяющихся процессов экономической глобализации. Связанный с этим экономический интерес во все большей мере начинает проявлять себя как главный спусковой механизм, воплощающий внутреннюю мотивацию народов к признанию экономической формы глобализации и интеграции.

Свидетелями и участниками этого процесса становятся все более широкие круги населения мира. С каждым годом набирает темпы колоссальная экономическая миграция населения из стран третьего мира в страны экономической развитой семерки, да и внутри самой семерки. Экономическая миграция имеет сложную структуру. С содержательной стороны в ней во все большей степени начинают доминировать трудовые ресурсы с высоким уровнем образования и творческой активности, участниками которой стали последние десятилетия наиболее активные поколения третьего мира.

Конечно, это лишь подтверждает идею классической экономической теории, что экономический интерес владеет человеком сегодня ничуть не в меньшей мере, чем когда бы то ни было. Но вот с чем народы не были изначально согласны, а точнее, чего они никак не могли предвидеть, так это той колоссальной социокультурной унификации, что семимильными шагами последовала за экономически обусловленными процессами интеграции в мировое сообщество как в единую глобальную систему. Вслед за процессами экономической интеграции, основанной, как известно на жестком законе прибыли, рационально осмысленной специализации и разделения труда, связанного с ее получением, наступил черед такой же экономической целесообразности и в сфере социально-культурной жизни народов.

Ранее востребованные и традиционные секторы экономики, формировавшиеся десятилетиями и столетиями, разрушаются и замещаются другими, более целесообразными, с точки зрения их соответствия складывающейся в условиях глобализации международной системе разделения труда. Так же и традиционные религии и культура отношений, поведения и быта людей повсеместно вытесняются и замещаются цивилизационными западными стандартами. Традиционная система ценностей и веры людей замещается ценностями массовой культуры и прагматизмом, не являющимися носителями идей глубокой духовности. Разрушается традиционная моральная система ценностей, чувство и понимание национальной идентичности. Наемный рабочий или интеллектуал живут

теперь совсем по другим цивилизационным образцам, вытесняющим прежнюю культуру из сознания и поведения народов.

Более того, в соответствии с принципами сложившейся международной системы разделения труда и экономической целесообразности, сами люди, и на экономически развитом Западе, и на экономически слабом Востоке, во все большей степени превращаются в то, что современные нам западные мыслители назвали феноменом «одномерного человека» (Г. Маркузе). Аналогичные определения мы найдем и в отечественной философии. Русский философ персоналист XX в., Н. Бердяев процессы, происходящие с современным человеком, называл не иначе как феноменом «объективированной личности», превращенной в объект иных, внешних по отношению к ней, целей и интересов, личности, не владеющей своей свободой.

Этого человека, становящегося во все большей степени придатком машины, профессии, специализации, разрушающегося как целостная личность, становящегося рабом «лампы», рабом созданной им технической, экономической цивилизации, мы и застаем сегодня в качестве доминирующего типа личности, способного пойти на многое ради экономического успеха. При этом доминировавшие до этого коллективистские стереотипы мышления и поведения массовым образом замещаются индивидуализмом. Тип этот мы называем сегодня не иначе как маргинальным и флюгерным по своей сущности, не знающим для себя другого более значимого закона, чем закона удовлетворения своих практических потребностей любой ценой и в кратчайшие сроки.

Процесс, свидетелями и участниками которого мы сегодня являемся, по большому счету есть процесс завершающегося утверждения новой парадигмы человеческого существования, подобный переходу от одной культурной формы к другой, как его определял русский социолог начала – середины XX в. П. Сорокин (переход от идеациональной к чувственной форме культуры). Это процесс окончательной смены доминанты культурных ценностей, с ценностей религиозных на ценности телесные. В этом выражено то глубинное противоречие, что мы можем зафиксировать на философском языке, между человеком культуры (по большому счету, человеком духовных ценностей) и человеком цивилизации (человеком по преимуществу материальных ценностей), столкновение между которыми наиболее обострилось на рубеже двух тысячелетий со времени рождества Христова.

В конечном счете, все это не могло не привести к разрушительным процессам в самобытной культурной жизни народов, попавших под унифицирующий экономический цивилизационный каток. Не могло не вызвать того всплеска протестов против глобализации, что проявили

себя в последнее время в мире. Антиглобалисты протестуют не только против унификации культур, разрушения традиционных самобытных систем ценностей, массовых миграций трудовых ресурсов, но и против индивидуализации, разобщенности людей, порождаемой глобализацией. Все это и есть плоды глобализации как экономической цивилизации, столкнувшейся на высоте своего развития с культурой. Вопрос об окончательных результатах этого столкновения остается открытым. Грядущие стратегии еще только вынашиваются в глубинах интеллектуальной рефлексии современности.

М.А. Широкова

Оформление политических концепций славянофильства и западничества и их значение в философско-политической мысли России XIX в.

Значимость славянофильства и западничества как явлений в истории русской мысли определяется, прежде всего, тем, что именно с них принято начинать отсчет существования самостоятельной философии в России.

Практически в каждой работе, посвященной русской философской проблематике, в числе ключевых тем и проблем русской философии неизменно называются следующие: свобода и необходимость; смысл истории; соборность (а также ее соотношение с авторитарностью и индивидуализмом); социальная правда и социальный вопрос; личность и массы; власть: анархизм и деспотизм; либерализм и демократия; революция – социальная и духовная; теократия; христианское государство; путь России и русского народа в мире; Россия и Европа; Восток и Запад; «русские болезни» и их преодоление; реформа Петра Великого; отсутствие органической связи между властью и обществом, между интеллигенцией и народом. В совокупности все эти вопросы и образуют проблему национально-государственной идентичности России, столь актуальную в настоящее время.

Оформление славянофильства и западничества явилось своеобразным ответом русского образованного общества, с одной стороны – на консервативно-охранительную теорию «официальной народности», а с другой стороны – на публикацию первого «Философического письма» П.Я. Чаадаева. Значительная часть формирующейся русской интеллигенции не желала соглашаться ни с казенным оптимизмом императора Николая I, министра народного просвещения С.С. Уварова и шефа жандармов А.Х. Бенкендорфа, ни с глубоким пессимизмом Чаадаева.

И западники, и славянофилы были согласны с мыслью, высказанной, хотя и по-разному, как апологетами «официальной народности», так и Чаадаевым, о том, что Россия – вне Европы. Прошлое России

представлялось им принципиально отличным от прошлого европейских народов. При этом, как верно заметил историк Н.П. Коллюпанов, если славянофилы идеализировали древнюю Русь «в положительную сторону», преувеличивая ее достоинства, то западники идеализировали ее «в отрицательную сторону», преувеличивая недостатки. К современному им российскому настоящему и славянофилы, и западники относились критически. А вот по вопросу будущего России между ними и происходили наиболее ожесточенные споры. Западники верили в европейское будущее своей страны, восхищались делом Петра I и желали содействовать продолжению процесса европеизации. Общий смысл их рассуждений можно выразить словами: «Россия – не Европа, но она должна стремиться ею стать». Славянофилы же мечтали о создании общества, основанного на истинно русских началах, избавленного от западных противоречий. Они порицали Петра I, внесшего, по их мнению, в русскую жизнь раздор и насилие. Их рассуждения можно упрощенно свести к следующему: «Россия – не Европа, поэтому она должна оставаться Россией». Или, как писал К.С. Аксаков: «Опасность для России одна: если она перестанет быть Россией».

В современной исторической и политической науке оба эти понятия – «славянофильство» и «западничество» имеют как расширенное, так и конкретно-историческое толкование. Их приводит, в частности, польско-американский исследователь А. Валицкий, автор работы «В кругу консервативной утопии».

В широком смысле под «западничеством» понимается совокупность любых проявлений прозападных симпатий, иными словами, «европеизм» – умонастроение значительной части русской интеллигенции, имеющее давнюю, более чем 300-летнюю традицию. Если толковать термин «западничество» таким образом, то его элементы можно усмотреть в концепциях таких мыслителей, как А.Н. Курбский (XVI в.) или А.Л. Ордин-Нащокин (XVII в.).

В свою очередь, под славянофильством в широком смысле понимают все проявления русского патриотизма, все концепции особого исторического пути России и особого духа русского народа, объединяемые общим понятием «Русская идея», автором которого одни исследователи считают Ф.М. Достоевского, другие – И.С. Аксакова. Истоки этой идеи можно обнаружить еще в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона или в теории «Москва – Третий Рим» Филофея.

В таком расширенном толковании и западничество, и славянофильство остаются реальными факторами русской интеллектуальной жизни и по сей день.

Но, в то же время, и славянофильство, и западничество – явления конкретно-исторические. Их непосредственные корни следует искать в общественной психологии и идеологии эпохи романтизма, которая остро поставила перед интеллектуалами разных стран Европы, а также стран, оказавшихся по разным причинам в сфере влияния европейской цивилизации, проблему историзма и национальной идентичности. Эта проблема решалась по-разному, с одной стороны – славянофилами, чья политическая доктрина представляла собой синтез идей либерализма, консерватизма и христианского социализма, и с другой стороны – западниками, которых поначалу объединяли либеральные идеалы индивидуальной свободы, общественной активности и прогресса. Впоследствии западничество послужило базой для либерального и революционно-демократического направлений в общественной мысли, а также для позитивизма в философии.

Исходя из конкретно-исторического толкования славянофильства и западничества, можно назвать тех, кто стоял у истоков этих течений. Родоначальниками славянофильства являются А.С. Хомяков и И.В. Киреевский, а также брат последнего – П.В. Киреевский. Кроме того, в число классиков раннего славянофильства входят К.С. Аксаков и Ю.Ф. Самарин. Членами славянофильского кружка были также А.И. Кошелев, Д.А. Валуев, В.А. Черкасский, В.А. Панов, В.А. Елагин и другие.

Основоположником западничества, как впрочем, в известной степени, и славянофильства, считают П.Я. Чаадаева. Наряду с ним родоначальником западничества следует считать и Н.В. Станкевича, создателя знаменитого философского кружка. Выдающимися представителями западничества были также А.И. Герцен, В.Г. Белинский, Т.Н. Грановский, С.М. Соловьев, К.Д. Кавелин и др.

Необходимо заметить, что классическое западничество как самостоятельная концепция просуществовало очень недолго – приблизительно с 1840 г., когда в «Отечественных записках» была опубликована статья Белинского «Россия до Петра Великого», по 1848 г., когда Белинского не стало, а Герцен перешел на позиции «русского социализма». Что же касается классического славянофильства, то оно существовало в качестве цельного учения дольше, более 20 лет. Общеизвестной датой появления славянофильства считается 1839 г., когда произошел знаменитый обмен рефератами между А.С. Хомяковым («О старом и новом») и И.В. Киреевским («В ответ А.С. Хомякову»). Заканчивает же свое существование раннее славянофильство в 1860–61 гг., когда уходят из жизни его ведущие идеологи, а общественно-политическая ситуация резко изменяется в связи с началом «великих реформ». Но даже в процессе своей последующей дезинтеграции сла-

вянофильство долго сохраняло элементы особого стиля мышления и особый интеллектуальный колорит.

На наш взгляд, можно согласиться с А. Валицким, по мнению которого причина сравнительно большей устойчивости славянофильства заключается в том, что, при всех различиях между теориями Хомякова, Киреевского, Аксакова, – это были разные оттенки одного мировоззрения. А западничество представляло собой всего лишь один аспект взглядов Белинского, Герцена, Грановского, аспект, в немалой степени обусловленный их общим противостоянием славянофильству, а также теории «официальной народности».

Несмотря на полемику между собой, западничество и славянофильство имели ряд общих черт. Их объединяло неприятие крепостного права, критика внешней и внутренней политики Николая I, а также отстаивание свободы слова, печати и общественного мнения. Русская философия всегда была тесно связана с конкретной политикой, а русские философы использовали любую возможность для участия в политической жизни страны. А центральной проблемой русской философии с момента ее возникновения, как было сказано, становится проблема места России в мире и ее исторической судьбы.

С.А. Шагин

От Вены до Постъялты: проблемы самоидентификации и опыт России и русских

В основе смен систем международных отношений XIX – XX вв. лежала попытка мирового сообщества решить проблему закрепления сложившейся региональной, этнической, конфессиональной, социально-политической и геостратегической самоидентификации с помощью взаимного ее признания, а также согласованных функций акторов, необходимых для поддержания статус-кво данной системы. Поскольку в Европе с XVII в. утвердился принцип доминирования государственных, то и системы международных отношений, от Венской до Ялтинской, решали по существу один и тот же вопрос: как структурировать международные отношения применительно к оформлению национального интереса во взаимно признанных территориально-административных единицах. Соответственно, важной проблемой являлся процесс строительства национально-государственной «вертикали», формирование этнической, конфессиональной или иной самоидентификации различных групп населения.

С этой точки зрения, все известные системы международных отношений были направлены на структурирование пространственно закреплённых этнических, конфессиональных, региональных сообществ Европы в обладающие национальным суверенитетом территориально-

административные единицы. При этом уже определились акторы международных отношений и этнокультурные сегменты, из которых можно было формировать системы. Для поддержания статус-кво любой системы необходимо было выработать правила игры, адекватные применительно к объективно сложившейся структуре, и распределить функции. В этом случае, для самосохранения системы, важным является завершение процесса самоидентификации актора как на мировой арене, так и в рамках суверенной единицы в форме национально-государственной, внутренней самоидентификации его подданных.

Основная тенденция в эволюции систем международных отношений – от европоцентризма к евроатлантизму и далее – к многополярности, точнее, фрагментации современного мира. Соответственно, базисный элемент самоидентификации – европеизм или европеизация своих национальных интересов. Как это ни парадоксально, но для ряда европейских держав европейский вектор их внешнеполитической ориентации, а иногда и ментальности, представлял определенную проблему. Бинарность интересов определялась балансом между континентальным характером европейских государств и их внеевропейскими интересами. Наиболее яркий пример и сегодня – Соединенное Королевство. Будучи европейской державой, Британия всегда имела широкие внеевропейские интересы: Империю, затем – «особые отношения» с США и Содружеством, «заморское направление» своей внешнеполитической ориентации. Отсюда концепции «блестящей изоляции» острова от Континента и поддержания «баланса сил», «трех сфер», связующего «моста» и т.д.

Стержень европейской идеи – ось Париж-Бонн/Берлин, поскольку и Франция, и Германия – континентальные державы, несмотря на статус колониальной метрополии у Франции и внеевропейскую активность Германии. Внеевропейская активность Германии и Италии сдерживалась поздним оформлением единой государственности и последующими последствиями двух мировых войн. В известной степени, Испания и Португалия также обладали существенными внеевропейскими интересами, что мешало им в оформлении внутренней и внешней самоидентификации. Характер политических режимов превращал их на определенное время в своеобразных изгоев европейских систем международных отношений.

Турция – пример европеизации, внутренней и внешней самоидентификации исторически и географически пограничной державы, что создавало и создает целый ряд проблем для систем международных отношений.

Эволюция систем международных отношений шла от перераспределения национального суверенитета к его ослаблению в рамках бло-

ковых структур. Конкретно это выглядело так. Венская система. На мировой арене минимум суверенных государств, представлявших собой полиэтнические и поликонфессиональные империи. Помимо минимума акторов-империй, суверенитетом обладают некоторые государства, не создающие угрозы для статус-кво системы. Основные спорные и конфликтные проблемы носят характер внутренних, ответственность за решение которых возложена на актора. В случае нарушения баланса интересов актором, проблема решается на международных конференциях; при силовой попытке нарушить правила игры и согласованный баланс возможна коллективная полицейская акция. Яркие примеры – Берлинские конференции и Крымская война. Венская система явилась консервативным прообразом субрегиональной интеграционной европоцентристской модели. Идентификационный вектор – европоцентризм и сопутствующее представление о «бремени белого человека» в отношении не европейских народов и отчасти славянского населения, входившего в состав акторов-империй. Внутренняя самоидентификация полиэтнического общества способствовала формированию дискриминационного европейского сознания. Чувствуя себя европейцами второго сорта в составе империи, венгры, румыны, славяне и другие народы Европы стремились к национальному самоопределению. В известной степени, полиэтничность империй, выполнявшая важную роль в формировании последующей европейской интеграции, тормозила национальную консолидацию некоторых акторов, России в том числе.

Вена была не в состоянии сразу перейти к региональной западно-европейской интеграции и остановить рост национализма в дискриминированных европейских субрегионах. На смену Вене пришел Версаль. Эта система международных отношений уступила требованиям предоставления национального суверенитета большинству этнорегиональных единиц в форме новых независимых национальных государств. Слабые экономическая и государственная основы новых государств не имели поддержки в виде международной солидарности и интеграционных европейских или универсальных глобальных институтов. Вектор внутренней самоидентификации качнулся в противоположную сторону; от имперского и европейского самосознания – к национально-государственному. В рамках распавшихся субъектов империй противостояли национализм и титульной нации, и других этнических групп. Крайняя этническая фрагментарность Версаля, дополненная социальной конфронтацией, определила желаемый вектор идентификации: тоталитаризм для внутренней организации общества и универсализм для новой системы международных отношений.

Особенность формирования Ялтинской системы международных отношений заключается в том, что она начинается не после окончания войны, а в самом ее начале в качестве развернутой и постоянно корректируемой концепции. Для реализации первоначальной концепции – «Атлантической хартии» – потребовалась относительно полная консолидация ее сторонников в форме Объединенных наций, Большой Тройки, Объединенного командования, Ленд-лиза и т.д. Сформировались и интегрирующие институты формирующейся системы: регулярные контакты гражданских и военных руководителей большого количества государств и «Саммиты» лидеров в узком составе. В конечном счете, объективная структура международных отношений и реалии послевоенного мира трансформировали «Атлантическую хартию» в биполярную Ялту. Биполярность определила основной вектор внешнеполитической идентификации мира в условиях кризиса европоцентризма: принадлежность к одному из двух «лагерей» мировой системы, окрасившейся не в этнические, а в социальные цвета. Соответственно, внутренняя самоидентификация периода Ялты усложнилась. Невозможно было инкорпорировать «детей Версаля» в Неовенскую систему международных отношений, как невозможно было и повторение Версаля в чистом виде. Ялта – своеобразный симбиоз Вены и Версаля: почти все получили возможность сформировать суверенное национальное государство или попытаться получить его силой. В то же время, количество «империй» сократилось до двух сверхдержав, способных выполнять структурообразующие функции в своей сфере влияния. Таким образом, сверхдержава – это функция, а не статистика. Соответственно, не может быть по определению одной или трех «сверхдержав». В условиях Холодной войны внешняя идентификация носила откровенно блоковый характер. Формально, внутренняя тоже. Реально же речь шла о переплетениях этнической, конфессиональной, социальной, региональной составляющих идентификации. Добавился феномен разделенных наций, диаспор, миграций и начало процесса реальной региональной интеграции. Россия периода Ялты оказалась дважды империей – в рамках СССР и в рамках социалистической системы государств.

Постъялта – не просто неожиданный крах Ялты и поиск новых концепций; это параллельное существование Неоверсаля – подсистемы Новых независимых государств, готовых повторить ошибки Версаля, и основной модели – Постъялты, ориентированной на формирование системы взаимозависимых локальных подсистем, включенных в глобальный контекст.

Самоидентификация России и русских как структурообразующего народа, в рамках «от Вены до Постъялты» – своеобразная Одиссея по спирали. Если Вена – это пик роли Российской Империи в «Концерте

великих держав» на основе баланса интересов, то Постъялта – своеобразное возвращение в исходную точку в новых условиях и с иным потенциалом. Применительно к России используется термин «модель догоняющей цивилизации», что должно подчеркивать отсутствие проблемы внешней и внутренней самоидентификации, а лишь потребность копировать уже имеющуюся абстрактную модель западной либеральной демократии. Такое представление о проблеме неверно. Отсутствие универсальной модели для идентификации народов и государств подтверждено французским «Нет» на референдуме по Европейской Конституции в мае 2005 г. Правильнее говорить о России как о модели в поиске адекватной самоидентификации. Суть модели в следующем.

Для историко-пространственной единицы «Россия» характерны слабость структурообразующих элементов и затратный характер центристремительных проектов. Отсюда постоянный процесс самоидентификации державы как административно-территориальной единицы, политического устройства, цементирующей национальной идеи и геополитических приоритетов. Частая зависимость от внешних факторов и необходимость абсорбировать корпоративные группы населения тормозила самоидентификацию русских и России.

Формирование национальной и государственной самоидентификации проходило в форме преодоления континентальности России; отсюда борьба за выходы к морю и одновременно фронтир как освоение исторического пространства. В ее развитии переплетались заморские интересы и внутренняя колонизация. При этом она сама выступала как объект «колонизации»: «натиск на восток», Коминтерн, план ЗЕТ («Землеустройство евреев-трудящихся» в форме кибуцев с последующим формированием Еврейской социалистической республики), расширение Евроструктур, Новая Евангелизация, миграции. Эти особенности привели к этнической, конфессиональной, культурной, языковой и региональной мозаичности. Цементирующая нагрузка легла на славянский сегмент этнодемографической структуры населения и Русскую Православную Церковь. Политическая составляющая часто не совпадала с доминирующим этноконфессиональным стержнем государственности. Военная составляющая не играла самостоятельной роли: армия оставалась инструментом и заложницей политики невнятной самоидентификации, поэтому часто получала не то, не тогда и не в таком количестве, как это было необходимо для силового обеспечения внешней идентификации.

Сегодня Россия и русские вновь стоят перед проблемой выработки адекватной и внятной самоидентификации, поскольку в очередной раз изменился мир вокруг и внутри страны и народа.

Д.Е. Цыкалов
Россия и Запад. Поиски российской идентичности
в отечественной публицистике Первой мировой войны
(август 1914 – февраль 1917 г.)

Образ «Другого» занимает значимое место в структуре национальной идентичности. Через сопоставление с «Другим» нация формулирует свои идеалы, осознает свои отличия, угрозы своей безопасности и собственное положение в мире. Для российской идентичности такую роль традиционно играет сложный и противоречивый образ «западного мира», сложившийся под воздействием исторических коллизий в отношениях России и Запада.

Первая мировая война была важной вехой этих отношений. Стремительно менявшая тогда свой облик монархическая Россия воевала в союзе с Англией и Францией – «передовыми демократиями Запада» – против в чем-то близких ей авторитарно-монархических Германии и Австро-Венгрии. Такая внешнеполитическая конфигурация делала российское восприятие Запада неоднозначным, вела к пересмотру многочисленных стереотипов и вместе с тем способствовала появлению новых иллюзий и мифов.

И нации Запада, и россияне унаследовали от имперского прошлого весомый багаж взаимных обид и предубеждений, который до сих пор во многом определяет их взаимное восприятие, создает благоприятную почву для распространения изоляционистских настроений. Заметим, что в последние годы исследователи уделяли довольно большое внимание механизму конструирования «образа врага» и его мобилизующей общество функции. Публицистика Первой мировой войны в этом отношении дает богатый фактический материал. В ней рассуждения о феномене «современной Германии» отличаются особым стилем: восприятие «русского» и «немецкого» упрощается до архетипа «мы – они», «добро – зло»; для описания «своих» и «чужих» используются контрастные наборы слов; негативные черты военного противника гиперболизированы и схематичны; его образ отождествлен с «культурным варваром».

Но оппозиция «Россия – Германия» являлась лишь одним из аспектов образа Запада. Первая мировая война была воспринята российской публицистикой как проявление общего кризиса западной духовности. Неприятие крайностей технической цивилизации переплеталось в умонастроении русской интеллигенции с беспокойством за судьбу европейской культуры. Критика «германизма» была по существу также критикой западного рационализма и милитаризма, которые выросли из недр европейской культуры и несли смерть духовным ценностям

самого «западного мира». Эта раздвоенность Европы, ее внутренняя противоречивость остро ощущались российским обществом. Впрочем философ С.Н. Булгаков замечал, что двойственное, основанное больше на чувствах восприятие Запада характеризует не только текущий момент, но вообще типично для российской ментальности: «...в отношении к Европе нам приходится одновременно испытывать и притяжение и отталкивание – все, что угодно, только не равнодушие или холодную чуждость». Эту же мысль развивал В.Ф. Эрн. Обращаясь к прошлому русской мысли, он показал, что апология и критика «западного мира» есть одновременно и у славянофилов, и у западников. Славянофил А.С. Хомяков восхищается «страной святых чудес», – подразумеваемая европейскую культуру, идеи гуманизма и свободы. Западники В.Г. Белинский и А.И. Герцен бичуют «гнилой Запад» и его «духовное мещанство». Два лика Европы на равных присутствуют в творчестве Ф.М. Достоевского. Почвенничество и обличительный пафос западного культа наживы и денег уживаются у писателя с чувством подлинной любви к великой европейской культуре. «Европа – но ведь это страшная и святая вещь, Европа!» – восклицает Достоевский. Вместе с образом «двух Европ» русский человек постепенно открывал для себя как различия, так и внутреннее родство российской и европейской культур, «неразъединимость», как писал Булгаков, частей христианской Европы, общность их духовной судьбы.

Осознание антиномий «западного мира» разрушало представление о культурной и политической гомогенности Запада. В годы Первой мировой войны, разделившей Европу на два враждебных лагеря, публицист газеты «Утро России» Б. Савинич пишет, что понятие «западноевропейская культура» оказалось фикцией, и что «сбивать в кучу все европейские культуры – ошибка, затемняющая ход событий»: «Великих культур в настоящее время несколько и каждая из них говорит своим голосом: культура южно-романских народов, культура французская, культура англосаксонская, культура русская, культура латинской Америки, культура германская. Последняя находится в фатальной вражде с культурой Франции». Идея культурной многополярности, отвергая европоцентризм, снимала в том числе противопоставление «варварской» России «культурной» Европе. Интересно наблюдать, как в годы Первой мировой войны, ставшие для русской интеллигенции периодом «переоценки ценностей», Россия не только переоткрывала для себя Европу, но и открывала себя той же Европе. Пожалуй, Н.А. Бердяев (много размышлявший об отношениях со странами Западной Европы) выражал общее настроение, когда писал о том, что мировая война прекрасно показала, насколько органично место России в Европе. «Кончается исторический период изолированного и

замкнутого существования России, как некоего Востока, противопологаемого Западу», – заключал Бердяев. В том, что «старая антигеза разбивалась вдребезги», большинство русских интеллигентов тогда не сомневалось. «Мы сами коренные европейцы и связаны с Европой более тесно, чем когда-нибудь», – утверждал либеральный публицист Ф.Ф. Кокошкин. Идея европейской идентичности поддерживалась и русскими националистами. «Если я русский, – замечал журналист газеты «Новое время» М.О. Меньшиков, – не могу же я отрицать, что я – европеец. Если так, в качестве европейца я должен считать все европейское своим».

Вместе с тем публицисты обычно указывали на противоречивую природу российской идентичности, на то, что быть русским значит не только быть европейцем, поскольку Россия и в географическом, и в историко-культурном смысле принадлежит одновременно и Европе, и Азии. Поэтому при обсуждении вопроса о месте России в послевоенном мире в русской публицистике неизменным было обращение к антигезе «Восток – Запад». Заметим, что, несмотря на общее понимание пространственных и культурно-исторических особенностей России, публицисты подчас заметно расходились в определении ее исторических перспектив. Из призывов отгородиться от Запада «железным щитом» выделяется проект публициста того же «Нового времени» поэта А.А. Бурнакина, который считал, что после приобретения Константинополя у России есть шанс стать одним из центров будущего двухполюсного мироустройства. По его мысли, после прививки «азиатских начал» Россия, стоя на рубеже Европы и Азии, будет отражать у «врат Царьграда» натиск европейского материализма, идей уравнительного благополучия и международного смешения». Впрочем, по-настоящему популярны «скифские» мотивы станут немного позднее – в революционном 1917 г. Пока же воображение публицистов больше занимала идея диалога с Западом. В этом контексте передача России Константинополя рассматривалась не как возможность создания враждебной западному миру сверхдержавы, а как предпосылка их будущего вечного союза. Если в геополитических мечтаниях Бурнакина отчетливо проступают контуры идеи биполярной системы, то, к примеру, в проекте Вяч.И. Иванова пограничное положение России по отношению к Европе и Азии, напротив, делает ее основным элементом системы безопасности на всем евразийском материке. На взгляд Иванова, в тесном союзе с другой евразийской державой Британской империей Российская империя будет гарантировать Западу защиту от «желтой угрозы». Интеграционные настроения полностью владеют и Бердяевым, который останавливается на культурном аспекте партнерства с Западом. Вхождение России в Европу, считал он, гармонизирует отношения между Востоком и Западом, поскольку

только через Россию может произойти сближение Европы и Азии. По логике Бердяева, результатом такого соединения, в котором ключевую роль будет играть Россия, должна стать «окончательная универсализация» человеческой культуры, «выведение ее за пределы замкнутой самодовлеющей Европы».

Развивая идею равного партнерства между Россией и Западом, публицисты особо обращали внимание на необходимость решительной ломки старых стереотипов. Российское общество, если оно действительно ищет настоящей «мужественной дружбы», должно освободиться от комплекса «отставания» и «духовного заискивания» перед Западом, научиться уважать себя, осознать уникальность своей культуры и ее высокий потенциал. Европа, признав Россию своей, получит возможность преодолеть внутренний кризис. Но осуществится это лишь при условии, что и Запад изменит свое отношение к России: поймет свое родство с русской культурой и одновременно оценит ее своеобразие, перестанет видеть в «шестой части земли» исключительно источник сырья, не будет смотреть на нее как на угрозу, внешнюю и чуждую силу, иными словами, конструировать из России свой образ врага.

Литература

1. Бердяев Н.А. Россия и Западная Европа (1916) // Русская мысль. 1917. N 5–7.
2. Булгаков С.Н. Война и русское самосознание (1915) // Труды по социологии и теологии. Т. 2. М., 1997.
3. Бурнакин А.А. О судьбах славянофильства. Пг., 1916.
4. Иванов В.И. Россия, Англия и Азия (1915) // Родное и вселенское. М., 1994.
5. Кокошкин Ф.Ф. «Страна святых чудес» // Русские ведомости. 1914. 12 октября.
6. Меньшиков М.О. Спор о красоте. (Родное и двоюродное) // Новое время. 1916. 19 февраля (3 марта).